

ВІЛЬНЕ

ВОЛЬНОЕ

КАЗАЧЕСТВО

КОЗАЦТВО

25 Dubna 1932.

Volné Kozáctvo

Ročník V.

25-го апреля 1932 г.

103

25-го квітня 1932 р.

ПРАГА

ПРАГА

ГОД ИЗДАНИЯ 5-ый

РІК ВИДАННЯ 5-ий

СОДЕРЖАНИЕ.

1. Е. Булавин: ** (Verše).
 2. И. Уколов: Казакам. (Verše).
 3. Ив. Томаревский: Казаку. (Verše).
 4. Людмила Костина: Непоправимое. (Verše).
 5. О. Ялового: В ожиданьи. (Verše).
 6. Оксана Печениг: Одважним. (Verše).
 7. Григорий Козлов: Москве. (Verše).
 8. Антон Кошкин: ** (Verše).
-
9. И. Билый: Виновники Черноморской трагедии Казачества. (Vinníci kozácké tragedie u Čer-ného moře).
 10. А. Жуков: Банкроты. (Bankroti).
 11. Чужинец: Великорусское казакофильство в первой половине XIX века. (Ruské kozakofils-tvo v prvé polovině XIX st.).
 12. М. Забелло: Амурское казачье Войско. (Amurské kozácké Vojsko).
 13. Александр Півень: Козаки на Кубані. (Kubánští kozáci).
 14. Думы и мысли. (Dumy a myslí).
 15. С. Савельев: Обо всем понемногу. (O všem trochu).
 16. Т. Хоруженко: О комбатантских карточках. (O kombatantských legitimacích).
 17. Казачья эмиграция. (Kozácká emigrace).
 18. Русские по русскому и по казачьему вопросам. (Rusové o své i o kozácké otazce).
 19. В Казаккии. (V Kozákii).

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Братислава. — И. Б. — Будет напечатано. Привет.
Элин. — В. О. — Будет напечатано. Привет.
Южин. — В. Б. — Получено. Посылаем. Привет.
Cleveland. — А. А. — Получено. Пошлем. Привет.
Галац. — А. Б. — Получено. Привет.
Монтаржи. — Т. — Будет помещено. Привет.
Шабак. — А. М. — Ответ будет письмом. Привет.
Белград. — Б. К. — „Открытое письмо“ будет по-мещено в след. номере. Привет.
Югославия. — Пин. — Получены. Привет.
Белград. — П. М. — Получено. Привет.
Югославия. — К. Ш. — Получено. Привет.

Скоплье. — Я. К. — Получено. Привет.
Ганновер. — А. К. — Посылаем. Привет.
Польша. — А. С. — Получено. Привет.
Бела Црква. — Я. Ч. — Посылаем. Привет.
Крагуевац. — А. Ч. — Получено. Привет.
София. — Я. Л. — Получено. Привет.
Бельгия. — А. Х. — Посылаем. Привет.
Львѣв. — О. К. — Дякуємо.
Франция. — М. К. — Получено. Привет.
Ница. — П. Т. — Посылаем исправно. Привет.
Греция. — В. — Хорошо. Привет.
Париж. — П. Ф. — Будет напечатано. Привет.

Гонорар не платится.

Не принятые к напечатанию рукописи не возвращаются.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“:

В Ч. С. Р.:

В БРНО: Виктор Карпушкин.

В БРАТИСЛАВЕ: И. И. Безуглов.

В ЮГОСЛАВИИ:

Б. А. Кундюков. Белград.

А. Чекин. Крагуевац.

Г. В. Алферов — Мраморак.

А. А. Гейман. Зајечар.

В РУМЫНИИ:

В. П. Елисеев. M-eur Elisseeff, Cluj.

С. М. Маргушин. M-eur Margouchine. Bukarest V.

А. К. Бабков. M-eur Babkoff, Galatz.

В ГЕРМАНИИ:

Г. А. Козловский. Berlin.

В ПОЛЬШЕ:

Б. В. Фесенко. Варшава.

С. Тулаев. — W. P. S. Tulajew. Wilno.

А. Кириянов. Августов.

Вл. Еремеев. W. P. Wl. Jeremiejew, Grajewo.

В БОЛГАРИИ:

П. Н. Кудинов. Александрово.

Н. Егоров. Лом.

Т. Л. Ляхов. София.

В О ФРАНЦИИ:

Ш. Н. Балинов. Париж.

А. К. Ленинов. M-eur Lenivoff; Lyon.

Т. К. Хоруженко. M-eur Khoroujenko; Lyon-Vaise.

И. А. Болдырев. M-eur Boldyreff, Ugene.

И. В. Чуприна. M-eur I. Tchouprina. Cenon (Gironde).

И. Т. Курило. M-eur Kourilo, Bourg des Maisons.

С. К. Поляков. M-eur S. Poliakoff, Rombas.

В СЕВ. АМЕРИКЕ:

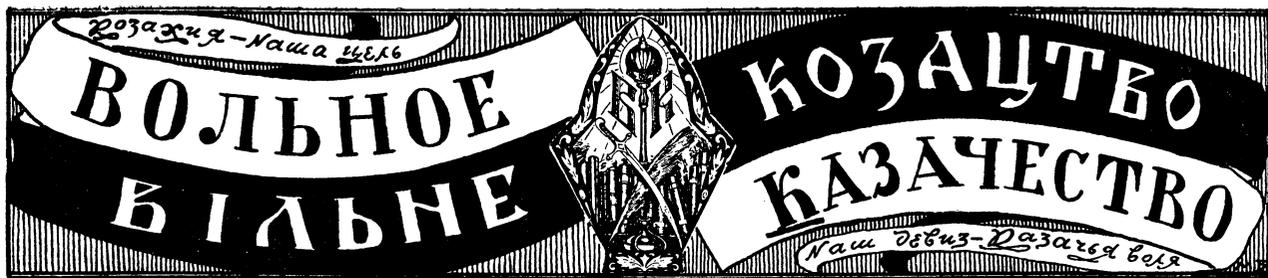
А. Д. Аникушин. M-r Anikoushine. Cleveland, (U.S.A.).

В ЮЖНОЙ АМЕРИКЕ:

С. Савицкий. S. Savytzky. Brasil.

НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ:

И. Константинов. Харбин.

— VOLNÉ KOZÁCTVO — LES COSAQUES LIBRES —

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический.

(Vychází 10 a 25 každého měsíce).

Редактор И. А. Билый.

Редакция и администрация: Praha-Vinohrady, Hradecká, 2207. Tchécoslovaquie.

№ 103

Понедельник, 25 апреля, 1932 — Понеділок, 25 квітня, 1932.

№ 103

Е. Булавин. (С. Америка).

Я вышел послушать напев океана,
Где грозно рокочет с востока прилив.
Смотрел восход солнца и слушал баяна,
А сердце и мысли сорвались с тетив.

Туда, где остались души сувениры...
Где горы, долины... Где край мой родной,
В тот край, что зовется Жемчужиной Мира,
Где прадеды были лишь сами собой...

Где кровь отцов-дедов смешалась с слезами
Казачек и сирот за много веков...
Туда, где зовется народ казаками,
А край носит имя — Земля Казаков.

* * *

Туда, где курганы под маком весною,
Казачьи могилы укажет цветок.
А слезы поныне обильно росю
Увлажат все новый и новый „холмок...“

Злой рев океана, как песни баяна,
Мне в душу вселяют порывы весны
И хочется верить — не мне только дано
Желанье — реальными стали бы сны.

Казак! если хочешь, поведаю кратко,
Какой я сон вижу почти целый год:
Не раз уже радости слезы украдкой
Я пролил, что видел свой вольным народ.

Казак! не забудь, ты — потомок свободных,
Не слушай о „службе“, о рабстве другим...
Мы с гордым сознанием в станицах привольных
Казачью свободу и честь отстоим.

И. Уколов. (Болгария).

КАЗАКАМ.

Славной дедовской науки
Исторических времен
Не забыли и их внуки
Под святынею знамен!
С Богом, братья! По примеру
Удальцов богатырей,
За свободу и за веру
Мы скрепим ряды сильней.

При сиянии славы новой,
Славы бранной, нам давно
Снять с главы венец терновый
Нших братьев суждено.
Иго рабства и невзгоды
Сбросит наша степь-земля,
И падут лучи свободы
На казачьи поля.

Ив. Томаревский. (Болгария).

КАЗАКУ.

Вижу, мой друг, твое горе —
Нет тебе волюшки той,
Той, что гуляла на поле
С предками в жизни былой.

Вижу твою я кручину,
Горечь плененной души...
Гей, не горюй, казачина —
Воля гуляет в степи.

Встань и коня боевого —
Верного друга — седлай...
Выхода нету другого —
Жизнь за свободу отдай!

Людмила Костина. (Белград).

НЕПОПРАВИМОЕ.

Матовый профиль точеной камеи,
Детски капризный, обиженный рот;
Черные брови, как черные змеи,
Больно сломали свой гордый полет...
Что то большое бесшумно, безлично
Вникло и замерло в темных углах...
Вечером синим, легко и привычно,
Кто-то забыл о любимых глазах...
Тянутся тени, как серые клочья,
Тянется дум утомленная рать,
Ночью, расплывчато-призрачной ночью,
Чьей-то душе стало трудно дышать...
Тянутся тени, колеблются тени,
Кроет неясное жуткий обрыв...
Кто-то высокий упал на колени...
Горько звучит запоздалый призыв...

Оксана Печениг. (Болгария).

ОДВАЖНИМ.

Гей, настїж, настїж всі простори!
Ще далі, далі далеч зорів!
Хай повні порохом безодні,
Страхїть, безсилля і облуди —
Дні величі, досягнень великодні
Зродять не боги: люде!
Спихнїть в яри плазунську долю
Незрячую, призначену для долів...

О. Ялового. (Румыния).

В ОЖИДАНИИ...

Молодой казачке.

Степь, да степь кругом
Шевелит ковыль.
Бесконечным сном
Видится вся быль...
Казачки летят
В ширь — где Дон, Кубань,
Дали вслед свистят...
Эх, казак, нагрять!
Топотом глухим
Путь-земля дрожит,
Зовом боевым,
Воздух-даль звенит...
Миг — и он готов
Всю любовь отдать
За свободу львов —
Казачком летать!..
Степь в огнях, в дыму,
Кровь — в реке волна...
Ждет казачка тьму,
Что б взошла луна...
Тих полночный звук,
Грусть в глазах и стон —
Дней тяжелых мук...
— „Ах! Придет ли он?..“
Степь, да степь... ковыль...
Мчится вдаль... кругом
Видится вся быль
Бесконечным сном...

Григорий Ковлов. (Белград).

МОСКВЕ.

За много тяжких скорбных дней,
За бездну мук и горя,
За стоны Родины своей —
Мы не умрем, не споря...
Пусть враг кует стальную цепь,
Казачию терзает —
Не покорит себе он степь —
Наш дух не угасает...
Трепещет тайно супостат...
Потребуем отчет
За наши храмы, наш обряд,
За кровь, что там течет...
Бушуй, кровавая Москва,
К концу идет твой срок —
Под шашкой острой голова
Упав, коснется ног...
И отшвырнет ее казак
И в свой войдет курень,
И дьявольский рассеет мрак,
Как бредовую тень...

Антон Кошкин. (Болгария).

* * *

Здравствуй, наша Казакия,
Славой будь Ты велика!
Мы земной поклон, родная,
Шлем Тебе из далека.
Разлучили нас с Тобою,
На чужбине мы растем
И лишь верою святою
В Бога и Тебя живем.
Шлем Ему моления наши,
Пред крестом Его склонясь,
Чтоб конец страданий чаши
Поскорей настал для нас.
Чтобы дал нам, Милосердный,
Здесь, в сени Его Креста,
Пережить изгнанья годы
В нашей скорби до конца.
Верим, что пройдет безвластье,
Казакия оживет,
Господь Бог пошлет нам счастье
И Она нас призовет...

И. Билый.

Виновники Черноморской трагедии Казачества.

Двенадцатая годовщина страшной казачьей катастрофы на Черноморском побережье. Двенадцать лет тому назад так бессмысленно и бесславно кончилась борьба Казачества за свой „порог и угол“, за свою историческую судьбу, — борьба, в которой казаки проявили столько жертвенности и героизма, — борьба так дорого стоившая, потребовавшая нечеловеческого напряжения всех моральных и материальных сил Казачьих Земель, взявшая столько казачьих жизней!...

Катастрофа весны 1920 года — начало нового крестного пути Казачества, начало новой борьбы его за освобождение... И если первый этап борьбы был проигран в 1920 году, надо, чтобы не был проигран этап второй. Казачество должно гарантировать свое будущее от возможности повторения того, больше чем печального, что однажды уже было, иначе — гибель ему!

Вот почему не только можно, но и должно всем нам оглянуться на недавнее прошлое и посмотреть правде в глаза. Следует хорошо разобраться во всех тех причинах и действиях наших властей или бывших вождей, которые привели нас к катастрофе. Посмотреть, разобратся и — не сделать того же второй раз. Иначе — гибель нам!

Мы понимаем, что прошедшие 12 лет несколько не ослабили наших болей и не смягчили наших страданий, рожденных великой неудачей... Касаться больных мест, это значит — причинять иногда боль не меньшую... Но, в данном случае, „операция“ необходима, ибо она одна только может быть спасительной. Прошлое не воротить. Так, по крайней мере, научимся же на нем чему нибудь...

Одним из „больных“ вопросов недавней кубанской действительности было „расхождение“ между большинством Рады, строившей кубанскую государственность, и большинством высшего командного состава кубанских частей В. С. Ю. Р., отрицавших эту государственность, борющихся с ней и всячески мешавших созданию Кубанской Армии. Это расхождение было одним из самых существенных из числа тех „звеньев“, которые привели Казачество к Черноморской пропасти.

Не будем касаться здесь ближе тех причин, которые породили это расхождение. Они, конечно, не являются минутным капризом той или другой стороны, а представляют собою продукт казачьего исторического прошлого, вернее — продукт русского вмешательства в казачью историческую жизнь. Сейчас, переживая на своей шкуре результаты этого вмешательства, мы должны признаться, что русские правительства, поощряя создание казачьей старшины и руссифицируя ее, вели весьма дальновидную политику. Настолько дальновидную, что нам, современным казакам, как видим, совсем не легко производить исправления тех „искривлений“ в казачьем духе, которые порождены московфильской старшиной или ее последователями.

Когда в конце 1927 года начал выходить в свет журнал „В. К.“, поставивший себе целью проповедь дела освобождения Казачества и защиту идеи казачьей политическо-государственной самостоятельности, я (как редактор, определявший политику журнала), помня всю гибельность кубанской распри (была она, конечно, не только у кубанцев), поставил себе одной из основных задач — не брать на себя инициативы и подчеркиваний несомненно существующих и сейчас политических расхождений в Казачестве, особенно, если это касалось „деликатных“ вопросов, связанных с теми или другими лицами и их прошлой деятельностью. Делалось это совершенно сознательно. Мы хотели сначала окончательно формулировать свою положительную самостоятельную программу, хотели определить ясно и недвусмысленно конечные цели казачьей освободительной борьбы. Была

в том и задняя мысль: мы верили, что казачью освободительную программу, программу независимого казачьего государства — Казаккии — после всего пережитого и передуманного примет не только большинство казачьей массы, но, несомненно, и часть казачьей старшины, — та часть, у которой проснется казачье национальное чувство и которая решит разделить до конца историческую судьбу своего народа.

Эти расчеты оправдались. Но все же, часть „русских казаков“ останется, вне всякого сомнения, верной себе. Это — безнадежно „горбатые“. Это — неисправимые. И в нашу задачу впредь не будет входить стремление какой угодно ценой сделать и из них вольных казаков, а только забота о том, чтобы они своей работой и деятельностью принесли Казачеству наименьше зла...

В настоящий момент самым больным казачьим вопросом „внутреннего порядка“ является вопрос „атаманский“. В то время, как вольно-казачье освободительное движение растет и ширится среди казаков, наиболее ярких противников своих оно встречает среди бывших „вождей“, особенно же среди Атаманов. Как помнят читатели, самой „оживленной“ полемикой на нашем „внутреннем фронте“ была наша полемика с Донским Атаманом (которую начал он). Не знаем, суждено или не суждено нам пережить такую же словесную полемику и с ген. В. Науменком, но по существу „полемика“ между нами идет давно уже и весьма упорная: мы зовем Казачество в совершенно противоположные стороны. Программно, что подчеркивается особенно в последнее время, между ген. Богаевским и ген. Науменко разницы нет никакой.

Нам не доставляет никакой радости писать то, что мы будем писать ниже, но считаем, что правду один раз сказать надо, ибо нет никаких гарантий в том, что не могло бы повториться еще раз то, самое страшное в недавней трагедии Казачества, что случилось уже однажды весной 1920 года.

Заставляют нас делать это и те новые данные о роли в казачьей катастрофе ген. Науменка, которые стали известны только теперь, совсем недавно, и которые вопиют к небу, вопиют об отмщении столь щедро, столь преступно и, в конечном счете, напрасно пролитой казачьей кровью...

Одной из основных причин поражения Казачества в 1919-1920 годах было то, что кубанцы не могли вовремя создать своей Кубанской Армии. Об этом спора среди кубанцев сейчас нет. Не все, но многие казаки знают, что самым ярким противником создания Кубанской Армии был в свое время... кубанский военный министр ген. В. Г. Науменко. Никто не сделал столько для того, чтобы Кубанская Армия не была создана, как именно он. Сейчас стал известен не менее вопиющий факт, как тот же самый ген. В. Г. Науменко, командуя кубанским корпусом, сделал все, что было в его силах, чтобы обеспечить крушение казачьей борьбы и гарантировать Черноморскую катастрофу.

Должен признаться, что мне трудно писать обо всем этом спокойно. Больно за все наши напрасные жертвы и — поражает, как люди могут после всего происшедшего, оставаться „как ни в чем не бывало“...

В следующих номерах журнала мы попробуем по тем документам и свидетельствам соответствующих литературных источников, какие нам известны, осветить более конкретно вопрос о создании (вернее несоздании) Кубанской Армии, в данном же случае остановимся только на роли ген. Науменко в непосредственном крушении кубанских вооруженных сил на Черноморском побережье.

Напомним сначала об общей военной и политической обстановке, как она сложилась в конце 1919 и начале 1920 года.

Осенью 1919 года „Вооруженные Силы Юга России“ (ген. Деникин) потерпели поражение на московском направлении. Неудачный полководец, еще менее удачный политик, ген. Деникин, потерпев поражение на фронте, попробовал расплатиться за него „кубанским действием“ (ноябрьские или Кулабуховские дни в Екатеринодаре).

Осенью же перед Казачеством уже отчетливо вырисовываются трагические контуры последствий невольного сотрудничества его с русским „белым делом“. Казачество пробует решать свой вопрос самостоятельно. Поднимается вопрос о созыве Верховного Круга Дона, Кубани и Терека и самый созыв осуществляется в начале 1920 года.

К этому времени Дон уже весь занимается красными.

Перед Верховным Кругом, поставившим себе задачу создания объединенного казачьего государства, встает во всей силе вопрос организации своих — казачьих — вооруженных сил. Ищутся кандидаты в главнокомандующие объединенными Доно-Кубано-Терскими Армиями. В. Круг предлагает этот пост командующему Донской Армией ген. Сидорину и получает в ответ: „Я дал слово ген. Деникину и ему не изменю“.

Большевики уже на Кубани.

Около 10 февраля Верховный Круг делает перерыв, чтобы дать возможность кубанской фракции В. К. отправиться в станицы для поднятия сполоха, для проведения всеобщей мобилизации кубанцев. 11—12 февраля (все даты по старому стилю) члены Круга (они же и члены Рады) выезжают в станицы.

Кубанцы поднимаются поголовно. Для иллюстрации приведу пример Полтавского полкового округа. За время с 12 по 21 февраля я посетил 12 станиц на линии: Старовеличковская—Ахтари. В ответ на призыв стать на защиту своей Земли, поднялись не только все подлежащие мобилизации, но, сверх того, из охотников (не подлежащих мобилизации) был в течение нескольких дней составлен полк кавалерии (больше 2000 шашек), в порядке самоорганизации севший на коней, нашедший в станицах же полное вооружение и снаряжение.

Все мобилизуемые спешат в лагери под станицей Славянской. Гайдамацкий полк (охотников) собирается и формируется в Полтавской.

Казалось бы, что такой под'ем надо только использовать. Казалось бы, что Куб. Атаман и куб. пр-во (а прежде всего его военный министр) должны только спешно подхватить всю массу мобилизованных, организовать ее и направить, куда надлежит. Казалось бы, что в такой работе В. Атамана и пр-ва старшие военные начальники должны были бы быть впереди. Казалось бы, что донское командование должно было бы только радоваться такой успешной мобилизации кубанцев. Казалось бы...

Что же было в действительности?

— Неудачный В. Атаман, не умевший заставить кубанских генералов себе подчиниться.

— Неудачное правительство, с военным министром — прямым агентом большевиков (ген. Болховитинов).

— Старшие начальники (комкоры и начдивы) в большинстве „доказывали“, что без Деникина никто, в том числе и они, воевать не умеют...

— Командование Донской Армией... — 22 или 23 февраля ночью пишущий эти строки приезжает в ст. Полтавскую и застаёт картину: гарнизон станицы Полтавской ставит пулеметы „в Славянском направлении“. Что произошло? — Оказывается, в ст. Славянской — карающие донцы. Да — донская карательная экспедиция. Ген. Сидорин снял с фронта лучшую свою часть — гвардейскую бригаду — и бросил „карат таманцев“. В тот именно день, сообщают полтавцы, донцы „хозяйничали“ в Славянской: в лагерях расстреляли каждого семидесятого (это — затем мы поднимали сполох!), застрелили станичного атамана, застрелили члена Рады... Больше, чем ошпарило это мобилизованных...

— Когда мы, члены Рады, уезжали в станицы поднимать казаков на борьбу с большевиками, мы знали в общем намерение Куб. В. Атамана. Так как фронт катился вниз безостановочно, предполагалось, перейдя Кубань, удерживать фронт по реке отступающими частями, Раду и пр-во эвакуировать из Екатеринодара на линию Майкоп-Белореченская, туда же направить всех мобилизованных кубанцев, в том районе их организовать, сделать надлежащую перегруппировку и бросить против большевиков на правый берег Кубани...

Несмотря на „эвакуацию“, мобилизованные кубанцы бросились за Кубань. Пластуны делали пятидесятиверстные переходы... Людского материала оказалось больше чем достаточно. Но... уже эвакуация Екатеринодара не удалась так, как предполагалось. Благодаря стараниям ген. Болховитинова, в Екатеринодаре устроена довольно основательная „пробка“. Все же — это пол-беды...

Куб. Атаман отдает приказ кубанским генералам (Науменко, Топорков, Писарев, Бабиев) задержать большевиков на линии Кубани (от Екатеринодара вверх). Генералы ответили, что они Кубанского Атамана не признают, а подчиняются только ген. Деникину (это было уже после разрыва с ген. Деникиным). И вместо того, чтобы держать противника на линии р. Кубани, генералы сами спешат к Туапсе (буквально „на пергонки“) „на соединение с ген. Деникиным“, при чем делают это намеренно так, чтобы успеть пройти линию Майкоп-Белореченская раньше, чем туда дойдут отступающие из Екатеринодара: Атаман, Рада, Пр-во, отряд ген. Морозова и мобилизованные, но не организованные казаки.

Следует остановиться здесь особенно на роли — скажем наперед — предательской роли ген. В. Г. Науменко.

Должен оговориться. Не пишу этого с легким сердцем. То, как поступил в самый трагический для Кубани и всего Казачества момент ген. Науменко, не делает чести не только ему, но и всему Кубанскому Войску. Но, говорить эту правду когданибудь нужно, ибо этот человек, после всего им совершенного, не только смеет смотреть в глаза казаков, но и пытается еще раз повести несчастные недобитые остатки их той же дорогой...

Повторяем: ген. Науменко сделал больше всех — в угоду ген. Деникину и Врангелю — чтобы Кубань не имела своей Армии. В этом единомышленниками ему были не только б. В. Атаман Филимонов, но и почти все высшие военные начальники (кубанцы). В свое время между Рядой и куб. военным министром (ген. Науменка) именно по вопросу о создании Куб. Армии шла ожесточенная борьба. По существу, этой роли ген. Науменко Кубань не должна бы была никогда ему забыть или простить. Но, понять ее все же до некоторой степени можно. Своих намерений тогда ген. Науменко не скрывал, а вытекали эти его намерения, очевидно, из его бескомпромиссных единонеделимых убеждений... Мы переживаем великую переломную эпоху и... от некоторой дани прошлому Казачеству не уйти... Не считаться с этим было бы просто... „не расчетливым“... И сейчас В. К. повстало не только для того, чтобы объединить казачьих самостийников, но и для того, чтобы из еще „русских казаков“ или еще „диких“ казаков сделать вольных казаков — самостийников.

Но, должны быть границы всему. Такой „границей“ в нашем отношении к ген. Науменко и является то свидетельство о поведении его в страшные дни Казачества, которое стало известно только теперь.

Мы оставили Екатеринодар 4 марта 1920 г. Но, никому из нас не приходило в голову, что борьба кончена. Так понимали это и все казаки, ибо все они поголовно отозвались на наш призыв о самоорганизации. А... 28 февраля ген. Науменко, перед переходом своего корпуса на левый берег Кубани, объявил фактически о демобилизации и прекращении борьбы.

В самом деле. Прочитайте, братья казаки, следующие строки из очерка полк. Елисеева: „Лабинцы и последние дни на Кубани“ в № 2 „Кубанского Казачества“ стр. 15:

„На по-пути между Казанской и Тифлисской — корпус остановился, свернут был в резервную колону,

все строевые начальники были вызваны к штабу корпуса на высокий курган, коих так много по этому, столь знакомому и родному высокому правому берегу Кубани. Здесь генерал Науменко доложил всем, что „мы идем в Грузию, где Кубанская армия будет реорганизована. Казаки вольны идти туда с командным составом или оставаться в станицах. Притеснений им ни в чем не чинить“.

— Прочитайте все внимательно слова ген. Науменко. Вдумайтесь в них. Припомните обстановку, в которой все это делалось... И — не встанут ли и у вас волосы дыбом так же, как стали они у меня, когда я прочитал это около двух месяцев тому назад!... Сейчас же пробежало в памяти еще раз все — так тяжелое — прошлое. Вспомнил, как через день или через два после оставления Екатеринодара (если не ошибаюсь, то в ауле Шенджий), в помещение Президиума Краевой Рады явился полупьяный ген. Топорков и, размахивая (очевидно намеренно) плетью, попытался „допрашивать Радугу“, как это она „сумеет воевать без ген. Деникина“... Вспомнил переход из станицы Кабардинской в ст. Хадзыженскую. Из Кабардинской вышли вечером. Ночь. Невылазная грязь. Прибываемся к какому то полупустому нефтеперегонному заводу. На рассвете подходим к Хадзыжам. Издали слышна музыка. В полуверсте видим группу всадников, направляющуюся как раз из станицы через мост по шоссе в сторону Туапсе. Позже, уже в Хадзыженской, мы узнали, что это целую ночь „гуляв“ там ген. Науменко и та группа всадников — был именно „отступающий“ ген. Науменко со своим окружением...

Немного позже (середина марта) на станции Гойты, В. Атаман ген. Букретов приказал ген. Науменко вернуться со своим корпусом и оказать поддержку генералам Бабиеву и Морозову. Ген. Науменко отказался подчиниться приказанию В. Атамана, заявив, что казаки его корпуса „потеряли сердце и драться не в состоянии“. — Пусть сами казаки корпуса ген. Науменко скажут, правда ли это. Для нас теперь ясно, что ген. Науменко своим заявлением на кургане между станицами Казанская-Тифлисская отказался от борьбы и произвел тогда уже не только демобилизацию своего корпуса, но сделал нечто большее — демобилизовал или вернее деморализовал дух казачий, а потом, на станции Гойты, приписал это пораженческое настроение рядовым казакам.

О „настроении“ старших начальников того времени находим подтверждение и в реплике-ответе ген. Букретова на совещании, созванном в Крыму генералом Врангелем в начале апреля. На сообщение ген. Улагая, что „казаки совсем не хотели драться“, ген. Букретов возразил: „Неправда, что казаки не желают драться. Не желают драться лишь их старшие начальники — генералы Улагай, Шкуро, Науменко, Бабиев и другие“ (См. „Белое дело“, т. VI, записки ген. Врангеля, стр. 39). Да и сам Врангель пишет (стр. 6, там же): „Дух был потерян не только казаками, но и начальниками“...

Не знаем, как долго еще генерал Науменко будет Кубанским В. Атаманом, но если кубанские казаки перестанут ему повиноваться, они оправдание такому своему поступку найдут в ссылке на то, что и сам ген. Науменко не подчинился в свое время своему В. Атаману, а тем и избравшей его Кубанской Раде.

Но вернемся к заявлению ген. Науменко своим подчиненным 28 фев. на кургане у ст. Казанской-Тифлисской.

Правду говоря, я, прочтя его, ждал, что сам ген. Науменко чтонибудь ответит на это сообщение полк. Елисеева. Но вот вышло уже четыре номера „Кавказского Казака“ со времени появления „Куб. Каз.“ № 2 и... ни слова. Значит, правда. Что же значит эта правда?

Прежде всего: в то время — в конце февраля и в начале марта — никто никаких переговоров с Грузией о пропуске кубанцев на грузинскую территорию и о возможности реорганизации там Кубанской Армии не вел. Да при такой обстановке вопроса Грузия, раз она не могла или не хотела немедленно начать войну с сов. Россией, и не могла вести с нами переговоры. Можно было бы допустить, что ген. Науменко собирался идти в Грузию, не спрашивая об этом самой

Грузии. Но тогда, ведь, ему пришлось бы отбиваться не только от большевиков, но и воевать с самими грузинами. Чем же такая обстановка в Грузии была бы лучше обстановки на Кубани для соответствующей реорганизации Кубанской Армии? И, как мы уже знаем, такие намерения у кубанской власти и были — произвести реорганизацию на своей родной территории, в районе богатом хлебом и фуражем, удобное не только для защиты, но и для перехода в наступление. Объявляя казакам о движении в Грузию, сам ген. Науменко спешил на соединение с ген. Деникиным, который о Грузии во всяком случае не думал.

(Следует напомнить здесь же, что переговоры с Грузией на крайний случай интернирования там Кубанской Армии начаты были Куб. правительством и Радой только в апреле с Черноморского побережья).

Несомненно, что ген. Науменко сам выдумал о „походе в Грузию“ для того, чтобы обмануть казаков, ввести их в заблуждение относительно истинного положения вещей и создать настроение в казачьей среде, при котором о серьезной борьбе не пришлось бы и думать, ибо своим заявлением ген. Науменко создавал в казачьих душах психологическую предпосылку о том, что на территории Кубани борьба уже кончена, а, значит, уходи каждый поскорее „к конечной цели...“ Если бы бойцы, особенно командный состав, вдумались надлежаще в слова ген. Науменка, они тогда уже пришли бы к заключению, что или сам ген. Науменко потерял в то время дух, или намерения его были не совсем честны.

Но... генералы тогда „митинговали“. Генералы были недовольны разрывом Верховного Круга и Кубанской Рады с ген. Деникиным. Генералы хотели „наказать“ Кубань, отдав ее еще раз большевикам... Тогда, „проученные“, кубанцы обратятся к генералам, а те, конечно, спасут, но — больше уж никаких Рад... Позже, в Крыму, они эту „возможность“ получили полностью, но... не спасли.

Всякий внимательный читатель найдет в словах ген. Науменко целый ряд противоречий. В самом деле. Предположим, что вопрос с Грузией обстоял именно так, как говорит ген. Науменко. Но — кого же он хотел там реорганизовывать, раз он объявил казакам, что они „вольны идти туда с командным составом или остаться в станицах“? Ведь если бы намерения ген. Науменко относительно реорганизации Кубанской Армии в Грузии были честны и искренни, он бы не советовал казакам оставаться в станицах, а вел бы их на эту реорганизацию.

Вот почему нам кажется более правдоподобным допущение, что ген. Науменко нарочно выдумал „Грузию“ для того, чтобы несколько маскировать свои — для того момента — демобилизационные и пораженческие намерения.

Мы совершенно не допускаем мысли, что ген. Науменко делал тогда свое дело непосредственно в интересах большевиков. Для нас не подлежит никакому сомнению, что делал он его прежде всего из солидарности с ген. Деникиным и из ненависти к Раде. Но, читатель-казак, положи руку на сердце и спроси сам себя: если бы на месте ген. Науменко был тайный большевик, что лучшего он мог бы придумать для обеспечения поражения казачьих сил, чем то, что придумал ген. Науменко на кургане между станицами Казанской и Тифлисской?

Дальше: пусть каждый казак, а особенно господа офицеры, поставят перед собою вопрос: в каком положении очутились бы государственная власть какого угодно государства или главнокомандующий любой армией, если бы каждый командир корпуса в составе его армии делал свою собственную политику вроде той, какую делал в свое время ген. Науменко? Какова была бы судьба такой армии и такого государства? И — последний вопрос — что сделал бы главнокомандующий с такими командирами корпусов, или правительство с главнокомандующим, если бы он не подчинился правительству?

Если мы задумаемся над последними вопросами, мы наверняка придем к заключению, что у казаков бывают иногда странные исключения из того общего — писанного и неписанного — закона, какой, несомненно, существует на такие случаи у всех народов, во всех государствах. Но — делают ли нам честь такие исключения?

Христос Воскресе!

Редакция „В. К.“ поздравляет всех своих сотрудников и читателей с праздником Светлого Христова Воскресения.

Всем вольным и невольным казакам посылаем свое самое искреннее
Христос Воскресе!

А. Жуков.

Банкроты.

Волнение по поводу событий на Дальнем Востоке отчасти улеглось. Миновала пора бурных собраний. Озвучали пылкие речи идеологов российской политики в эмиграции. Все, кто только мог и хотел, высказали свое мнение и о выступлении Японии, и о возможной борьбе с большевиками в связи с проектом буферного государства в восточной Сибири.

„Вожди“ большие и малые, лидеры политических партий всех мастей и оттенков в ожидании грядущих событий поспешили выявить свое настоящее лицо.

Одни, как Милоков, определенно желают советской власти полного успеха и сил в деле защиты „русских интересов на Дальнем Востоке“, предпочитая страдания и гибель своего народа „потере“ куска территории, в свое время захваченной русскими по праву сильного. Ко всеобщему удивлению, Милокову вторит генерал Деникин — этот столп „белого движения“, идеолог единой-неделимой России. Другие же, как Керенский, хотя и не разделяют полностью мыслей Милокова, но и от действительной борьбы с советской властью достаточно далеки.

Те и другие, считая себя врагами большевиков, все же борются с ними при создающемся положении не намерены.

Одним словом, в этом вопросе, как нельзя лучше, выявилось внутреннее сродство русских большевиков с русской же эмиграцией; „политика“ у них в конечном итоге — одна и та же: во имя русских интересов даже такие противники, как Сталин, Милоков и Деникин могут оказаться в конечном результате солидарными. О Беседовских и прочих говорить не приходится.

Если ими когда либо и будет вестись между собою борьба, то скорее всего это будет „внутренняя“ борьба за власть, за право сидеть в Кремле и распоряжаться по своему усмотрению народами теперешнего СССР.

Так именно, судя по их выступлениям, смотрят на борьбу с большевиками сами русские вожди.

Ну, а что же думают наши казаки „вожди“ и политики? Как они представляют себе настоящее свое положение, судьбу Казачества и его будущее бытие? Как и к каким идеалам стремятся ныне они?

Сообразно с делением казачества в политическом отношении на два лагеря: вольно-казачий и т. наз. единоеделимческий, надо иметь в виду, что настоящий вопрос в данном случае целиком относится, собственно, к группе единоеделимцев, к которой принадлежат и наши „правящие круги“. Задачи и цели Вольного Казачества давно уже формулированы настолько ясно и определенно, что говорить об этом здесь еще раз не приходится; эти задачи и цели вытекают из самой сущности казачьих интересов, базируются на принципах казачьих Конституций и на соблюдении основных законов, установленных народными представительными учреждениями казачьих республик, как Донской Войсковой Круг и Кубанская Краевая Рада. Вся программа вольных казаков с достаточной полнотой и ясностью изложена на страницах журнала „ВК“.

Не то мы наблюдаем у „русских казаков“ — единоеделимцев. Здесь никакой, тем более казачьей, программы нет: все зависит от очередного настроения русских эмигрантских „вождей“.

Отсюда беспочвенность, туман, масса всяких противоречий, взаимное непонимание и полная неразбери-

ха в политических вкусах отдельных представителей. Вот характерные отличительные черты казачьих единоеделимцев. При таких условиях нашим „вождям“ трудно говорить о своем политическом лице и еще труднее сделать что-нибудь существенно полезное для казаков.

В самом деле, как и что могут думать о Казачестве люди, поставившие себе целью чужой идеал, считающие первейшей своей задачей защиту интересов тех, которые никогда их на это не уполномочивали, т. е. русского народа, интересов, кои, как известно, коренным образом расходятся с интересами самого Казачества, которое именно то и выбирало их для забот только о себе и ни о ком другом. К судьбе Казачества наши „вожди“ равнодушны: она их занимает постольку, поскольку способствует поднятию личного их престижа и благополучия; в остальном казачьей политики для них не существует — вместо нее фигурирует политика русская.

Поэтому, немудрено, что действуя по чужей указке, идя на поводу у российских вождей, они всякий раз готовы жертвовать Казачеством во имя единой-неделимой и, конечно, никогда серьезно не задумываются над такими „пустяками“, как интересы возглавляемых ими казаков.

И раз теперь о судьбе единой-неделимой России (а, значит, и Казачества) высказались сами русские „вожди“, то „вождям“ казачьим, пришедшим эту самую Россию, полагается только слушать и молчать.

Но вот один из них, можно сказать, самый авторитетный и матерой идеолог казачьих единоеделимцев, а именно — Председатель Донского Правительства — Н. М. Мельников не умолчал и недавно дал вразумительный и точный ответ как раз на поставленный нами выше вопрос. Ответил Мельников за себя и за своих коллег, к несчастью казаков, стоящих у кормила власти. Случилось это 2-го апреля в г. Коломбель, куда Мельников приехал, как утверждают, по личным делам, по мнению же казаков — просто, чтобы помешать устроенному там вольными казаками докладу.

После окончания доклада и прений по нему, часть казаков ушла на работы, оставшиеся обступили Мельникова, как „редкого гостя“, и начали перекрестный допрос: — как, да почему? А не скажете-ли это... А не объясните-ли нам то-то и т. д.? Наконец, кто-то из казаков спрашивает Мельникова: как он сам думает действовать в казачьем вопросе и на что рассчитывает; как у него в этом отношении идет работа и какие имеются виды на будущее?

На это Мельников ответил буквально следующее: — „Я лично, говоря откровенно, смотрю на все пессимистически. Впереди ничего хорошего не видно, так сказать, царит полная темнота. В этом отношении мы банкроты. Единственное наше спасение в том, если русский народ, а с ним, конечно, и казачество, восстанет там внутри, в России; тогда, может-быть, мы и будем спасены. Иного выхода у нас нет. Вообще по этому поводу трудно сказать что-либо определенное“.

Что еще можно добавить к такому признанию? Сказано все яснее ясного!! Тут идеология, программа и тактика, тут и все неприглядное внутреннее содержание казачьих „верхов“.

Далее идти некуда! Эта горькая правда острым ножом ударит в сердца тех казаков, которые так долго

и упорно шли за своими „вождями“. Все, значит, было напрасно: море крови и слез, ряд тяжких страданий и суровая жизнь на чужбине. „Вожди“ обманули; ни теперь, ни раньше они не знали, куда идут и к чему зовут казаков; никогда у них не было ни верной дороги, ни ясно поставленной цели. Покорно брели они в слепую по чужому пути, сами не ведая — куда и зачем, преступно увлекая за собой тех, которые доверили им свою честь, совесть и жизнь. Какое горькое чувство в душе казаков вызовет это признание Мельникова!

Наше „вожди“ вместе с российскими главарями уперлись в роковой, безисходный тупик и не знают, что делать им дальше... Наступила „так сказать, полная темнота“.

Как утопающий хватается за соломинку, так обанкротившиеся казаки „верхи“ все свои надежды возлагают на... „восстание русского народа“, в которое сами русские (как напр. Деникин) совершенно не верят.

„Мы банкроты“ — заявляет Мельников и своею рукой приподымает ту таинственную завесу, за которой в жуткой пустоте и обмане так долго скрывались наши „вожди“.

Их несостоятельность для В. К. давно была ясна. Теперь же сам Мельников это подтвердил; он, ведь, не напрасно подчеркнул слово мы. Мы — это значит — все, кто волей судьбы был поставлен вместе с ним на верхи казачьей иерархии.

Честные люди, обанкротившись, стреляются и в худшем случае отстраняются от политического руковод-

ства над другими, не дожидая пока их выгонят с позором. Не знаю, как поступит Мельников и те, кого он подразумевал под словом мы. Нас, вольных казаков, судьба банкротов не интересует. Для нас важнее гораздо узнать то, как теперь поступят обманутые банкротами казаки; какой они найдут выход из создавшегося положения? Не идти же за банкротами! А выход есть один: это гот, который диктует сама жизнь.

Перед лицом опасности, угрожающей русским интересам на Дальнем Востоке, главнейшие вожди русской эмиграции оказались солидарными с советской властью. Так же должны поступить и казаки... Перед опасностью, угрожающей самому существованию Казачества, все казаки должны прежде всего сплотиться во едино и вспомнить, что у них никаких других интересов, кроме своих казачьих, не было и нет; что о их судьбе никто и никогда, кроме них самих, не побеспокоится; что в предстоящей и возможно близкой борьбе с большевиками им следует бороться не за чужое государство и его интересы, а за свою независимость и волю. И, наконец, казаки должны усвоить себе твердо то, что не обанкротившиеся „вожди“ укажут им надежный путь, а само Казачество в его целом по своей доброй воле, по своему разумению и согласно деловским заветам избрет себе достойный верный и разумный путь. Это, несомненно, будет путь вольных казаков, на знамени которых написано:

Казакция — наша цель.

Наш девиз — Казачья Воля!

Чужинец.

Великорусское казакофильство в первой половине XIX века.

(Идея вольного казачества в XIX веке).

(Окончание).

Самым блестящим российским писателем-казакофилом был Гоголь, который в „Тарасе Бульбе“ воспел запорожское и украинское казачество. Каковы бы ни были ошибки, допущенные им в его произведении, но он описал казачество и подвиги его, и всю эпоху с такою яркостью, с такою неотразимую силою, что и теперь нельзя читать „Тараса Бульбу“ без душевного трепета, без искреннего и глубокого волнения. Описание степи, картины Сечи Запорожской, образы казаков, все это воссоздано Гоголем с таким талантом, с таким сочувствием к героям-казакам и ко всему казачеству, что на сто лет всякое представление о казачестве стало невозможным иначе, как по Гоголю. Вместе с автором, многие поколения читателей повторяли: „Так вот Сечь! вот то гнездо, откуда вылетают все те гордые и крепкие, как львы! вот откуда разливается воля и казачество на всю Украину“.

В описаниях Гоголя было много буйной и красочной романтики, но было и дыхание глубокого национального чувства, веяние свободы, напряженность религиозного воодушевления. Казак — национальный герой, таков образ созданный Гоголем, — казак — борец за свободу, рыцарь, исторический защитник веры и родного народа.

Из великорусских писателей был казакофилом и Н. П. Огарев, друг и сподвижник Герцена в 60-х годах. Настроение это было навеяно в первую очередь „Думами“ Рылеева. Но гораздо сильнее были впечатления, полученные им на Дону, в 1838 г., когда он ехал на Кавказ и впервые увидел Дон и познакомился с донскими казаками. Впечатления и от природы, и от людей оказались чрезвычайно сильны.

„Чем дальше мы подвигались к югу, — вспоминал Огарев впоследствии, все зеленее становилась степь; наконец, мы добрались до Дона и ехали целую неделю берегом. Дон был еще в полном разливе; с одной стороны зеленая пахучая степь, с травой выше роста, с другой — вода, идущая как мо-

ре в бесконечность; все кругом уходит в синюю даль. Да! хорошо было на привольи...“

„Самое казачье племя произвело на меня благоприятное впечатление. В нем было что-то более свободное“ (чем в России). „Тут чувствовался крах народа посамостоятельнее... Степной человек любит волю... В степи человек неизловим; его нельзя придушить, как человека прижатого к забору. Он отхлынет в пространство, а уж если когда сам да нахлынет, то вся степь дрогнет от Астрахани до верховья, и по северным лесам гул пойдет, качнется и московский колокол...“

„На меня отраднo подействовал переход от немецкого управления к казачеству, где, сколько правительством не старалось исказить отношения, а все же настоящее чиновничество не привилось, и селянин перейдет к коренному народному началу выборной администрации без враждебного истребления чужеродного чиновничества“.. Последние размышления Огарева относились, очевидно, к роли казачества в грядущей, для него несомненной революции.

Пытаясь определить причины симпатии к казачеству, возникшей в нем, Огарев добавлял: „А, может, и самое степное приволье расположило меня на дружеские к его племени.“

Что за ночи, и что за утро в степи! Что за песню педа казачка, переплывая через реку одна в маленьком челноке на закате солнца.

Мне до сих пор эта поездка кажется каким то сном, блаженным до грусти“..

Но не только наслаждение от „широкой природы“ Дона, от донского приволья, — наслаждение, заставившее Огарева „забыть тайное, самому себе не высказанное ощущение в собственном счастье“, ощутил поэт на Дону. Здесь услышал он и речи живых людей, которые произвели на него глубочайшее впечатление, речи казаков о вольном казачестве, о Москве и Доне.

Благодаря Огареву, который облек эти речи в поэтическую форму, мы знаем о настроении рядового

казачества после введения на Дону николаевского „Положения“ 1835-го года.

Стихотворение „Дон“ — „полуфантазия, полувоспоминание“, как назвал его поэт, напечатано впервые в Москве, в 1925 г. Ефремов, в „Русской Старине“ 1888-го года (дек.), осмелился напечатать из него лишь описание природы. Мы, наоборот, приведем здесь лишь то, что касается политических заявлений казачества.

В стихотворении Огарев описывает очаровательный пейзаж Дона, через который перевозит его казак в предзакатный час.

„Один лишь мой казак угрюм,
Не разгоняет мрачных дум“...

Романтический поэт весьма естественно спрашивает казака о причине грусти:

„Зачем ты впалыми очами
Так дико смотришь, мой казак,
Когда все весело пред нами?“

Поэт делает обычные предположения. Причина тоски — болезнь, гибель близких, любовная страсть,

„иль, может, совести укоруы“?..

Казак отвечает поэту, именуя его, как чужеземца, „русским“, в отличие от себя „казака“. Ответ так интересен, что мы приведем его полностью:

„Нет, нет! меня не мучит совесть.
Не о былом моя тоска, —
Но, друг, однообразна повесть
Безвестной жизни казака.
Ребенком стал я сиротою,
Так о родных не плачу я —
Я их не знал! Чужой семьею
Взрослилась молодость моя.
Любви и прелесть, и мученье
Уже давно забыты мной,
В восемнадцать лет я в ополченьи
Знал шум тревоги боевой;
Любил воинственные клики
Моих собратий казаков.
Я, русской, вашему владыке
Против его служил врагов.
Но я казак — и жажду воли!
Когда-ж домой вернулся я —
Что я нашел? В какой же доле
Томилась родина моя?
За угнетеньем угнетенье
На нашу сыпалось страну,
Как Божий гнев, а мы терпенье
В защиту избрали одну.
Что год, то новые наборы, —
Семьями шлют на гибель нас
В опасные для русских горы,
На злой разбойничий Кавказ.
А наши дети сиротеют,
А жены плачут средь забот;
Поля не вспаханы, пустеют
И бедность крадется в народ.
То взвалют новые расходы,
Мундиры новые полкам,
То наши прежние доходы
Причтут к казенным барышам.
И, русской, жалость! С каждым годом
Корысти вашей отдана,
Землю, деньгами, народом
Беднеет наша сторона.
Дворяне наши уж не с нами:
Они враги для казаков,
Гнут только спины перед вами,
Да пьют вино, да бьют хохлов.
Исчезла прежняя свобода
И прежних прав простыл и след;
Давно для бедного народа
Ни от кого защиты нет.
Вот от чего душа тоскует,
Вот от чего мой взор угрюм
И радость сладко не волнует
В душе глубоко скрытых дум.
Но скоро минет угнетенье,
Терпенье лопнет. Слышал я,
Поверье есть, что всем спасенье
Донская принесет земля.

Пускай казак теперь страдает,
Пусть дня восход и дня закат
Теперь печально он встречает
И молча точит свой булат;
Близка пора: мы бурной тучей
За вольность встанем, за права,
Дадим врагам отпор могучий,
Их пошатнется голова...
И снова станем мы по воле
Спокойно жить в семье своей,
Пахать отеческое поле
И гарцевать среди степей.
Но до тех пор душа тоскует,
Но до тех пор мой взор угрюм
И радость сладко не волнует
В душе глубоко скрытых дум“...

Естественно, что подобные речи в устах простого казака поразили Огарева.

„Любви к отчизне и свободе,
Высоких чувств простой язык,
Среди степей, в простом народе,
При этой дремлющей природе,
Глубоко в душу мне проник“...

Уходя, на другом берегу, он молча пожал руку казаку, а тот с песнею поплыл назад. Песня эта так характерна, что и ее мы приведем здесь полностью:

„Что, казачка черноокая,
Душу в горесть облекла?
В косу русую, широкую
Ленту черную вплела?“

* *

Иль борьба неумолимая
Мила друга унесла?
Иль тебе, моя родимая,
С ним разлука тяжела?

* *

Не печалься — он воротится,
Может скоро он придет,
Быстро сердцем к сердцу бросится,
Душу в душу перельет.

* *

С саблей в битвах притупленную,
С переломленным копьем,
С грудью в ранах, утомленную,
Без коня придет пешком.

* *

Дай ему ты саблю новую,
Дай и крепкое копье,
Пулей меткою свинцовою
Заряди его ружье.

* *

И ударит на губителей
С казаками смело он,
И избавит от гонителей
Наш родимый славный Дон.

* *

И казачки черноокие
Перестанут изнывать,
В косы русые, широкие
Ленты черные вплетать“...*)

Как мы видим, Огареву удалось с удивительной ясностью и силой изложить мысли современных ему донцов — рядовых казаков. Симпатии к казачеству, как мы узнаем позже из статьи о Герцене, Огарев сохранил и в 60-х годах.

Если Огарев изобразил с удивительной силой мечты рядового казачества о полной независимости Дона от России, то другой поэт, Н. В. Кукольник, описал в стихах настроение казачьих верхов.

Покинув Петербург для службы на юге, этот высокоблагонамеренный писатель и лично довольно робкий человек, приехавши в 1847 г. в Новочеркасск, настолько проникнулся здесь донскими казачьими идеями, что написал стихи в донском автономистском, если не сепаратистском духе. При бурном восторге донцов прочитал он в одном знакомом доме свой яко бы „экс-промпт“.

*) Подлинник в Пушкинском Доме при Росс. Ак. Наук.

Вот текст этого „экспромпта“:

„Здорово, Дон седой! Здорово, Дон унылый!
Как родина моя, ты мне стал свят и мил;
Я полюбил тебя со всей казацкой силой;
Печали все твои к душе своей привил...
Казацкая была страшна когда-то
сила:

Донскими лодками ты пенил Черный Понт,
И кланялись тебе Азов и Трапезонт...
Но ты разбогател, и зависть страх сменила...
И сочным гроздием, и рыбой и вином,
И углем каменным, и солью, и скотом
Богат ты, старый царь Азовского поморья!
Тебе не надобно стороннего подс-
порья!...

Богат... а сам в нужде...
Тебе одна беда предшествует беде...
Как труп в степи лежишь...
Как у младенца спит твоя простая совесть...
Бредешь ты нищенкой и про себя ворчишь
Геройских дел и бед страдальческую повесть...
Я вслушался в нее, она везде со мной;
Несу ее в себе, и донесу к потомкам...
Всплесни же, старый Дон, могучею волной;
Благословенье дай казачества обломкам...
Ведь ты — пред смертью, твой час последний
бьет,
И твой свершается предел, его никто же не
прейдет...

Под орифламмою стващенных преимуществ
Граф Киселев во грудь твою воткнет
Меч Государственных Имуществ“!...

Атаман Власов потребовал Кукольника к себе. Тот струсил и стал уверять, что продекламировал стихи „так... из одной поэтической фантазии... и бывши в возбужденном состоянии от донского вина“. Атаман заставил Кукольника в тот же вечер, у того же хозяина и пред теми же гостями, которые встретили еще недавно своими овациями стихи, проникнутые любовью к Дону, заявить, что это была „поэтическая фантазия, возбужденная цымылянским“.

Между тем это был слабый лишь отзвук горячих донских речей по поводу слуха, будто бы министр государственных имуществ гр. Киселев собирается предложить имп. Николаю I превратить донских казаков в государственных крестьян.

На приведенные выше стихи Кукольника ответил длинным стихотворением офицер Донской гвардейской артиллерии И. В. Турчанинов. В самых резких выражениях протестовал он против подавления донской свободы императорской Россией.*) Донской историк А. А. Карасев, сообщивший об этих стихах в „Русском Архиве“ в 1894 г., не считал возможным напечатать из них хотя-бы строчку, так они были резки. Эти стихи переписывались на Дону и заучивались донцами на память. Сам автор, впоследствии, стал эмигрантом, служил во французской императорской армии, а затем переехавши в Соединенные Штаты, во время междоусобной войны Юга и Севера, служил в армии ген. Гранта, и, — если не ошибаемся, — командовал отдельным кавалерийским отрядом во время знаменитого кавалерийского рейда по тылам южан.**) За эти годы, к сожалению, нам не пришлось встретить никаких новых данных из биографии Турчанинова, кроме сообщенных проф. Сватиковым, кроме 2 заметок эмигранта Головина. В своей газете „Стрела“, которую он издавал в Лейпциге в 1858—1859 г.г. (вышло всего два номера — теперь величайшая библиографическая редкость) Головин сперва спрашивал (№ 1, 15 дек. 1858 г.): „Куда девался Главного Штаба полковник Турчанинов?“, а 15 янв. 1859 г. напечатал корреспонденцию из Петербурга („Стрела“ № 2), что Турчанинов — в Лондоне. Таким образом определяется год, когда этот замечательный донской

патриот должен был покинуть свою родину и стать эмигрантом.*)

Мысль о стихотворном протесте против подавления донской автономии была подана Турчанинову стихотворным же протестом В. Д. Сухорукова против стихов известной поэтессы графини Ростопчиной. Лет за 10 до Кукольника, едучи из Петербурга на кавказские минеральные воды, Ростопчина увидела Дон около Аксайской станицы, вспомнила вдохновенные стихи Пушкина и написала стихи о Доне и донском казачестве, как о чем то ничтожном и отжившем свой век. Вот эти стихи:

К Дону.

„Ты-ль это Дон? Какой ничтожный,
Как мелок, как спокоен ты!
О, сколь ошибочны и ложны
Рассказы шумные молвы!
Тебя-ли, Дон, не величали
Преданья, песни прежних дней,
Тебе-ль отцы не повторяли
Приветы дедовских речей?
И что ж теперь? Ты в ложе узком
Безжизненным болотом спишь;
Ты не бушуешь, не кипишь,
Ты дряхл, ты хил... ты в царстве русском,
Цветущем жизнью молодой,
Противусмыслен, Дон седой!

Далее Ростопчина сравнивала славу Дона со славою недостойного любимца толпы, тогда как рядом с ним остается безвестным „непризнанный, забытый, недосказавшийся певец“. Этого „певца“ Ростопчина утешала:

Твой лавр созреет знаменитый;
Потомство правдою своей
Воздаст тебе, воздаст, обильно!
Подумай: славен Дон бессильный,
А не воспеты меж степей
Текут Урал и Енисей“...

Стихотворение это, оставленное поэтессою в станице Аксайской, разошлось по рукам по всему Дону, трудно понять, что хотела сказать Ростопчина. Быть может, она находила, что Яицкое („Урал“) и Сибирское („Енисей“) казачество имели не менее прав на прославление, нежели Дон, но все-же донской край и казачество восприняли эти стихи, как обиду, и с восторгом встретили написанное В. Д. Сухоруковым стихотворение, под названием: „Ответ Дона“. Сухоруков написал в догонку Ростопчиной, в Пятигорск, от имени Дона:

За что, скажите, нет привета
Мне от прекрасного поэта,
Чем заслужил я злой укор?...
...Меня вы славить не хотите!
Я дряхл и хил, вы говорите.
Не хил, не дряхл, а древен я,
Во времени мне нет преданья,
И вечность — летопись моя:
Я — современник мирозданья!
И недвижим я с этих пор,
Как говорит мне ваш укор!
О, как я вольно разливался
И часто грозно я шумел
Бессмертной славою русских дел
И, как они, не истощался!
Не я-ль ярмо татарских сил
В своих волнах похоронил
И Русь святую возвеличил?
Не я-ль преграду протянул
И безнадежно ограничил
Черкесской вольности разгул?

*) От ред. Предлагаем казакам, живущим в Соед. Штатах, попробовать розыскать в американских источниках более подробные сведения о полк. Турчанинове и о его службе в американской армии. Даже небольшая книжка на английском языке о казаке Турчанинове могла бы послужить хорошим введением к пропаганде современного казачьего вопроса в Северо-Американских С. Штатах.

*) Цитируем по книге Сватикова „Россия и Дон“, 1924, стр. 335.

**) Рейд этот значит в военной истории. Его повторили в 1919 г. сперва ген. Мамонтов со стороны „белых“, а затем Буденный — со стороны красных.

И в вашу родину, и вас
Не я спасал-ли столько раз?!!

Не будем приводить полностью галантных укоров Сухорукова сиятельной поэтессе, но даже в этих стихах все еще находившийся в служебной ссылке великий донской патриот не мог удержаться, чтобы не противопоставить свой Дон — ее (графини) родине — России.

Итак, помимо казакофильства писателей великорусских, прямо или косвенно находило себе выражение и казакофильство великорусской казачьей интеллигенции, главным образом донской. Это казакофильство отразилось и на произведениях писателей не-казаков (особенно Кукольника и Огарева).

Р. С. Материалы к статье „Великорусское казакофильство“: Письмо Маркевича к Рылееву, „Рус. Стар.“

М. Забелло. (Царьгород).

Амурское казачье Войско.

(Военно-исторический обзор).

(Окончание).

Из прочих статей положения, для характеристики устройства Войска, имеют значение следующие: 1) Войско обязано: а) содержать сообщение по Амуру (от ст. Покровской до р. Усури) и по Усури, и далее сухопутным до мор. побережья, летом — на лодках и паромов, а зимою и по сухопутной границе — на лошадах; б) охранять границы; в) отправлять службу в пределах Амурск. и Приморск. обл., и вне их пределов; г) поддерживать почтовое сообщение (за плату) между станциями и селениями; д) заготавливать для казенных пароходов дрова и камен. уголь, а для постройки военных помещений — нужные материалы; е) нести все внутрен. и натурал. повинности, сопряженные с постоянной оседлостью. 2) Войско никакими податями и сборами не обложено, денежные повинности не несет и содержится на счет казны. 3) В Войско могут зачисляться лица всех состояний. 4) Все чины Войска наделяются пожизненными участками земли: шт. офицеры — 400 дес., об. оф. — 200 дес., церковный причт — 99 дес., и казаки 30 дес., при чем на каждый из 4-х округов прирезываются запасные земли на прирост населения и для войск. хозяйств. надобностей. 5) Срок службы определен: а) для офицера — 25 лет и б) для казака — 22 г. полев. и 8 лет внутр. службы, а всего 30 лет. 6) По строев., внутр., администр. и хозяйств. частям на Амурское казачье Войско распространены соответствующие положения Забайкальского казачьего Войска.

При заселении Амурского края имелось в виду лишь быстрое занятие всей линии и равномерное распределение казачьих поселков, которые расположились по берегу Амура на 25 верстном расстоянии один от другого, что привело к тому, что экономическая сторона благосостояния казаков была пренебрежена и они вынуждены были нередко селиться на местах, непригодных для хозяйственной культуры и даже далеко небезопасных для жизни. Поселки, находясь у Амура, единственного в то время пути-сообщения, имели большое подспорье хозяйству в рыбных богатствах реки и обширных прибрежных лугах, но зато терпели неизменные бедствия от постоянных значительных наводнений, которым подвержена долина Амура. При таких условиях неустановившемуся хозяйству переселенцев наносился огромный ущерб и многие совершенно разорались, т. к. наводнения или сносили до основания станицы десятками (напр. в 1872 г.), или разрушали их настолько, что приходилось устраиваться заново. Вследствие этого, казаки вынуждены были „раскочевываться“ относя свои поселки в более удобные и безопасные места, при чем население иногда переселялось по несколько раз, образуя новые селения и выселки.

Климатические условия также были не вполне благоприятны, т. к. казаки, привыкнув в Забайкалье к су-

1888, № 12; Рябинин „Укр. мотиви в поемі О. С. Пушкина „Полтава“, „Україна“, 1928, № 1 (26); о Подольском: „З починів укр. соціал. руху“, Відень, 1922; Сиповський „Україна та рос. письменство“, Київ, УАН., 1928, passim; В. Данилов, в „За сто літ“, збірн. VI; Огарев „Кавказ. воды“, „Поляр. Звезда“, кн. 6, Лондон, 1861; С. Переселенков „Н. П. Огарев и декабристы“, в сб. „Декабристы. Труды Пушкин. Дома“, М. 1925; о петрашевце Момбелли у В. Семевского „Кирилло-Мефодиевское Общество“, М. 1918; о Сухорукове: „Восстание декабристов“, т. I, М. 1925, с. XVII; т. II, с. 400 и 182; а также у Сватикова „Россия и Дон“, 1924; о Полевом: Сухомлинов „Н. Полевой и его журнал“, „Ист. Вест.“, 1886, т. IV и „Исследования“; Лемке „Никол. жандармы“, 1909; воспом. М. Чайковского (Садык-паши) в „Русс. Стар.“ 1896 № 4 и 1898 № 3.

хому лету, не могли примириться с проливными дождями, длившимися нередко по 18 дней под ряд, уничтожая урожай. Скотоводство плохо развивалось — потребовалось несколько поколений, чтобы выработалась порода, приспособившаяся к своеобразным местн. условиям. Ко всему этому присоединялось еще и то обстоятельство, что население в качественном отношении оказалось малоспособным к борьбе с дикой природой. Благодаря назначению в переселенцы по жребию и разрешению нанимать заместителей, зажиточных и хороших хозяев пошло немного, а наемные охотники внесли с собой в новый край полное незнание хозяйства, за которое им поневоле приходилось приниматься, и апатию, развившуюся вследствие неудач и постоянных бедствий. Среди слабосильного населения появились казаки, не имевшие даже никакого домохозяйства и промышлявшие поденщиной у своих же одностаничников, а штрафованные нижние чины, причисленные к Войску, почти на 2/3 непригодными для колонизации. Особенно бедствовал Уссурийский округ.

Такое угрожающее положение побудило произвести ревизию Приамурского края, куда в 1869 г. был командирован г.-ад. Сколков, который в представленном отчете проектировал целый ряд мер по улучшению быта Амурского, и особенно Уссурийского казач. населения. Хотя осуществление этих мер и было возложено на ген. губ. Восточной Сибири, г. л. Корсакова, но дело оставалось без движения до 1874 г., когда преемник Корсакова, бар. Фредерикс приступил к подробному исследованию положения населения, образовав особый для того комитет.

Сводка данных, полученных по опросам на станичных, поселковых и частных сходах, вполне выяснила, что „экономическое положение казачьего населения (к 1 янв. 1876 г. — 18.020 душ об. пола и 2344 штрафных нижн. чинов) было до крайности неблагоприятно“. В 1879 г. вопрос об улучшении быта Амурск. Каз. Войска был разрешен окончательно; при этом, согласно утверждения 22 мая мнения Госуд. Сов. постановлено: 1) числившиеся на Войске долги (свыше 276.000 руб.) сложить со счета и освободить казаков от причитавшихся с них взысканий; 2) исключить из Войска 900 порочных нижн. чинов с их семьями, предоставив им право приспосабливаться к городским и сельск. обществам; 3) предоставить остающимся семьям нижн. чинов и казачьим семьям, неимеющим оседлости, или приселиться, получив льготы и пособия, к станицам, или же выключиться из казачьего сословия; 4) отменить тягостную при бездорожьи повинность заготовления строит. материалов. Кроме того, намечены были меры для лучшего устройства и поселков, а в Уссурийском округе и для переселения части станиц в Южно-Уссурийский край, что представлялось чрезвычайно важным с военной

точки зрения; при этом уже в 1879 г. туда переселили 2.615 душ обоего пола, в составе 391 семьи, образовавш. в этом краю 10 поселков.

Установленная в 1860 г. организация Войска за почти 20-летний период существенно изменилась: 1) в 1866 г. — срок службы был уменьшен до 22 л. (15 полевой и 7 внутр.); 2) в 1869 г., для занятия сухопут. границы и охраны ее, была сформирована Уссурийская конная каз. сотня, комплектовавшаяся охотниками из Забайкальского и Амурского каз. Войск и нижн. чинами лин. бат.; сотня эта явилась родоначальницей приморского драгунского полка; 3) в 1879 г. коренным образом было реорганизовано как управление Войском, так и отбывание воин. повинности и службы, вследствие применения к нему устава о воинской повинности Донского Войска (1875 г.) и утверждения положения о военной службе казаков Амурского Войска (1879 г.). По прежнему положению (1860 г.), „полевая“ служба Войска заключалась в исполнении особых обязанностей (поддержание сообщения, охрана границ и отправление службы в областях и вне их пределов); при этом строевые части выставлялись только в воен. время, а в мирное — размер служебного наряда определялся ген.-губ. ежегодным росписанием и делался бригадным и батальонным командами, наблюдавшими за очередным и уравнильным от всех сотен и батальонов выходом на „полевую“ службу, которую казак отбывал год, проводя потом не менее двух лет на льготе, а офицеры, фельдшер и писарь служили постоянно, получая годичную льготу только по особо-уважительным причинам. Для обучения казаков фронту были установлены только ежегодные сборы летом на месяц. Все это привело к тому, что Войско не выставляло организованных частей, а отбывало службу одиночно и мелкими командами; напр., в 1876 г. из наряда в 588 чел. для военных целей предназначалось только 240 строевых и 48 нестр. казаков, из которых, за исключением учебн. команд и прислуги разным лицам и учреждениям, собственно воен. наряд сводился на 60 чел., назначенным в караул к денежн. ящикам, на гауптвахту, в конвой к арестантам и почтам.; 116 казаков несло полиц. службу на частных золотых приисках и в акцизных и полиц. упр., а прочие предназначались для внутренних по Войску надобностей. Мало того, статистика наглядно указывала, что Войско не в состоянии выставить назначенное число частей (8 конных сотен и 20 — пеших). Одновременное подчинение Войска двум независимым властям (воен. губ. Амурской и Приморской обл.) также крайне неблагоприятно отражалось на казаках.

Все эти недочеты были учтены новым положением, и Амурское каз. В. по воинской повинности было введено в нормальные условия. С 1879 г. вооруженная сила Войска образуется из служилого состава и войскового ополчения; служилый состав разделяется на 3 разряда: призывный (3 года), строевой (12 лет) и запасный (5 лет); при этом: а) из строевого комплектуются строевые части казаками 3-х очередей, из которых в мирное время только 1-я очередь несет действительную службу (4 года), а прочие две, состоя на льготе, находятся в готовности к исполнению служебных обязанностей и формируют соответствующие части только при мобилизации, б) из запасного комплектуются, в случае надобности, только части 3-й очереди и пополняются строев. разряд в военное время, в) спуск на льготу из первоочередной части пополняется ежегодно отправлением особых сменных команд. Войсковое ополчение составляется из всех казаков способных носить оружие, кроме состоящих в служ. составе, без ограничения какин-либо предельн. возрастом, и предназначается исключительно для формирования ополченских частей.

Амурское каз. Войско по своему составу, обязано было выставлять: в мирн. время — только 2 конных и 2 пеш. сотни, а в военное — 6-сот. кон. полк и 3-сот. пеший полубатальон. Во главе войскового управления был поставлен наказный атаман Амурского Казачьего Войска (воен. губерн. Амурской области). В общем, положение 1879 г. ограничив военные требования предельно крайней необходимости, послужило прочным основанием для дальнейшего жизненного развития Амурского Войска, получившего постановления, согласован-

ные с особым характером его службы и местными условиями. Поселения этого Войска, тянувшиеся на протяжении 2.600 вер., были, конечно, недостаточным оплотом для государственной границы, особенно в наиболее угрожаемой ее части, в приморской области (Зеленый клин), которая в воен. политич. отношении с годами приобретала первенствующее значение. В виду этого, предпринят был целый ряд мер по усилению населения в поселках на р. Уссури и созданию новых поселков в важнейшем Южно-Уссурийском Крае.

В 1883 г. приступили к заселению края крестьянами с Украины за счет казны; за первое же 3-летие там было водворено 4710 душ, что обошлось правительству до 1 миллиона, а в последующие годы прилив населения с Украины продолжался.

В 1889 г. назревший очередной вопрос был разрешен окончательно: отдел на р. Уссури был выделен из Амурского каз. Войска и преобразован в отдельное Уссурийское Казачье Войско. В виду этого Амурское Каз. Войско стало занимать лишь левый берег р. Амура, от ст. Покровской до выс. Забеловского, на протяжении до 1800 вер., а остальная часть границы от выс. Забеловского до Великого Океана перешла к новому казачьему Войску.

Из последующих изменений в организации Ам. Войска были: 1) Преобразование 1895 году пешего полубатальона с его льгот. частями в конные части; при этом первоочередная пеш. сотня, обращенная в конную, в мирное время вошла 3-й сотней в состав Амурского кон. каз. полка, имевшего 2-сот. состав; 2) назначение — в военное время выставлять 6-сот. конный полк и 3-сот. конный же дивизион, формируемый из „мирной“ 3-й сотни, выделяемой из полка, и двух льготных сотен; 3) возложение с 1897 г. на казаков обязанности нести службу на судах Амурско-Уссурийской флотилии; 4) сокращение в 1905 г. срока службы с 20 до 19 л., вследствие закона о зачислении в сужил. состав с 19-ти вместо 18 лет, и уменьшения пребывания в приготов. разряде до 2-х лет вместо 3-х; 5) предоставление целого ряда льгот, направленных к уменьшению тяжести воин. повин. казаков (изменение срока высылки сменных команд, сокращение числа сборов для льготных частей, установление пособий на покупку лошадей и т. п.); 6) назначение впервые представителей от Войска в 1906 году на службу в гвардии, а именно в состав л.-гв. Сводного казачьего полка.

Амурское каз. Войско, начав свою истор. службу занятием пустынной окраины, с честью исполняло миссию колонизатора дальневосточного края, несмотря на крайне тяжелые условия. Благодаря принятым мерам, Войско окрепло и стало правильно развиваться, о чем можно судить по след. данным: 1) население с 18 т. душ (1876 г.) возросло к 1900-м годам почти до 40 т. душ об. пола, из коих 75% составляло войсковое сословие и до 50% населения муж. пола, при чем служил. состав заключал до 25% (5 т. чел.); 2) хозяйство казаков постепенно улучшалось; 3) лошадьми Войско хотя и достаточно было обеспечено (на 100 душ муж. пола приходится свыше 170 лош.), но порода лошадей (низкорослые, неказистые, но выносливые, неприхотливые к корму и содержанию) требует улучшения, для чего от государств. коннозаводства в то время уже отпускаются жеребцы-производители; 4) состояние скотоводства соответствует коневодству и также требовало улучшения; 5) по сумме торгового оборота, приходившейся на душу муж. пола (за то время свыше 60 рубл.) Амурское каз. Войско занимало в ряду прочих Войск одно из первых мест.

К этому необходимо еще добавить, что черный промысел в войске находился в зачаточном состоянии, а заводской промышленности совсем не было.

Опыт мобилизации приамурских каз. Войск в период Японо-Китайской войны побудил ген. Духовского указать на существовавшие военные недочеты и заявить о необходимости создать из казаков „железную грудь для Сибири“, путем увеличения казачей полевой силы и умножения казачьего населения.

Мобилизация 1900 г. и важное значение казачьих войск, вновь выдвинули вопрос о настоятельной необходимости увеличить численность Амурского Каз. Вой-

ска. Но, начатый разработкой колонизационный план не мог быть приведен в исполнение в краткий период до русско-японской войны.

По плану еще перед Великой войной проектировано было увеличить Войско настолько, чтобы оно могло выставить в мирное время — 12 сотен (вместо 3) и в военное 36 сотен (вместо 9). В последнее — предреволюционное время Амур. Каз. Войско было подчинено командующему войсками приамурского в. о., которому были присвоены права войсков. наказ. атамана. Управ-

ление же Войском принадлежало военному губернатору Амурской области, как наказному атаману. Заведывание округами было возложено не войсковое управление. Округа Войска разделялись на участки, подчиненные особым участковым начальникам.

Амурские казачий к. полк и к. дивизион во все минувшие войны 1900 г., 1904—1905 и 1914—1917 высоко несли казачью славу и своими лихими делами вписали не одну страницу в историю своего славного Войска.

Олександр Півень. (Югославія).

Козаки на Кубані.

III.

Біжить Кубань
Аж у лиман,
А з лиману в море,
Не зна того,
Яке було
У козаків горе;
Біжить Кубань
По берегам,
Як і раніше бігла,
Та й не гада,
Що вже біда
Десь од нас забігла;
Що вже заніс
Рогатий біс
Лихую годину:
Пошли, Боже,
Усе гоже
У нашу країну.
Так гадали
Й розмовляли
Козаки-Кубанці, —
Були певні,
Що не вернуть
Назад ті поганці;
Що добули
Тут москалі
Добру халазію:
Все бросали
Та тікали
У свою Росію;
Бо й на Дону
Й на Тереку
І по всій Україні,
Скрізь їх гнали,
Виганяли,
Та били по спині;
Бо й ті люде
Скрізь-усюде
Москві не вважали:
Й синів —
Большевиків
З краю виганяли;
Щоб кацапів —
Комунистів
Не було і духу,
Та не знала
Божа віра
Чортячого руху;

І щоб люде,
Де хто буде,
Жили всі на волі,
Добре дбали
И своє мали
У хаті й на полі.
А всі Донці
Терці й горці,
Кубань і Україна
Єдналися,
Браталися, —
Була земля вільна.
Так гадали
И міркували
Щирі патріоти,
Що на душі
І на серці
Мали ті турботи,
Щоб ці землі
Од Росії
Зовсім одділити
І в слободі
Та у згоді
По сусідськи жити.
Тоді б було
Усім добро,
Тоді б не бросали
Краї рідні
Й на чужині
Отут не блукали;
А всі б жили
В своїй землі,
Як фіни й естонці,
І латиші,
І волохи,
Поляки й литовці..
Так гадали,
Міркували,
Та снаги не мали,
А старшина
Була дурна,
Та ще й генерали
Тільки Москві
Та Росії
Тямили служити,
А не вміли
Й не хотіли
Свій край боронити;

Та й забрали
Генерали
В свої руки силу,
Рятували
Й боронили
Од Москви Росію..
Ой багато
Там пролито
Козацької крові,
А ще більше
Лягло трупів
У чистому полі!
Воювали
Козаченьки,
Голови складали,
А за кого,
За для чого,
Про те й не питали;
Зрозуміли,
Як побігли
Із родного краю,
Та попали
В чужі землі,
По той бік Дунаю..
Чи забудем,
Чи знов будем
Ми отак робити?
Чи знов Москву
Од кацапів
Підем боронити?
Чи забудем,
Чи знов підем
В Росію войною,
Щоб там лягти
В чужій землі
Усім головою?
Ні, вже того,
Що раз було,
Козак не забуде, —
Дурну Москву
Од кацапів
Рятувать не буде!
Ой не піде
Він, не піде
В ворожу Росію,
Краще піде
Боронити
Рідну Козацію!

30/III—1932 р.

От секретаря редакции „ВК“.

Просматривая некоторые номера враждебных „ВК“ „казачьих“ печатных органов, я обнаружил странное явление: некоторые казаки, иногда даже вольные казаки, согласно их сообщениям о безденежности и просьбе, получающие журнал „ВК“ бесплатно, в то же самое время жертвуют те или иные суммы в фонд издания этих враждебных нам печатных органов.

Принимая во внимание всю ненормальность такого явления, настоящим довожу до сведения вольных и невольных казаков, получающих бесплатно журнал „ВК“ и в то же время материально и морально поддерживающих враждебные нам печатные органы, что высылка им „ВК“ будет прекращена, коль скоро они не откажутся от такого странного образа действия.

Также и некоторые представители журнала „ВК“ должны отказаться от миссии — распространения тех „казачьих“ печатных органов, цели и задачи которых ничего общего с таковыми „ВК“ (государственная самостоятельность Казачества) не имеют.

Думы и мысли.

Г-ну Атаману Яицкого Войска
ген. Толстову.

В своей статье, напечатанной в №102, Вы, между прочим, коснулись и деятельности представителей Калмыцкого народа в вольноказачьем движении. Суть вашей мысли такова: соболезную, что калмыцкий народ так жестоко пострадал в Российских событиях, понимаю вызванные этим обстоятельством ваши чувства, но напрасно вы вмешиваетесь в казачью политику, и не лучше ли было бы вам выбраться туда, откуда пришли.

Так как редакция „ВК“, комментируя вашу статью, не коснулась этого „калмыцкого“ места, я, полагая, что это право оставлено за калмыком, позволяю себе кратко ответить на Ваши мысли следующее:

За ваше соболезнование по поводу нашего страдания и за понимание наших чувств большое Вам спасибо; что же касается Вашего совета, то разрешите его, что называется, „разжевать“.

Надо полагать, что Вы, советуя нам выбраться из данной нашей территории, определяете нас, как незаконно ее занимающих?.. Иначе Ваш совет был бы непонятен.

Да, мы пришли сюда 300 лет тому назад. Земля, нами занятая, не была тогда русской, ибо заселена была иными народами, еще не бывшими в полном подчинении России. Чтобы поселиться на этой земле, нам пришлось поднимать эти народы. Как видите, тут имело место, так называемое, „право завоевания“, мало того, в дальнейшей своей жизни, уже соприкоснувшись с Россией и войдя в сферу ее политического влияния, мы получили на свою территорию помимо права крови и право чисто юридическое и, как видите, освятили эти права 300 летней давностью, на что не посягают даже большевики, допустив образование „Калм. Автоном. обл.“.

Если, тем не менее, в нашу среду вселились позже русские, то это было наследие сильного над более слабым в ущерб праву. И если бы теперь, по Вашему совету, все народы, так или иначе переменившие сотни лет тому назад свои места, начали бы переселяться обратно, то, согласитесь, картина была бы столь же грандиозная, сколь и запутанная... Нет, времена „великого переселения народов“ прошли.

Кроме этого, разрешите Вам напомнить, что наши предки, под напором слишком недобросовестной русификаторской политики России, через 100 лет после своего прихода поставили вопрос об обратном движении, хорошо подготовились и двинулись. И что же?.. Россия приложила все усилия, чтобы задержать, догнать и, натравив на уходящих калмыков народы жившие на их путях, причинила им громадный урон. Когда калмыки все же пробились и, обессиленные, попали в руки Китая, то Россия очень ревниво следила за случайно оставшейся частью (за нами) и приняла все меры, чтобы не допустить ухода этого остатка калмыцкого народа. А потом, г. Атаман, Вы упускаете из виду еще одно обстоятельство: не думаете ли вы, что калмыцкое государственное ядро — Зюнгария — до сих пор свободно и ждет нас? Оно давно занято Китаем. Таким образом Вы видите, что и там и здесь ничего почти от нас не зависит. Отсюда не выпускают, а туда не подпускают. А коль скоро так случилось, то нам ничего не остается делать, как устраивать свою жизнь на месте в добром согласии с добрыми соседями. Это диктует нам политика практическая. Что касается политики, так сказать, сердечной, то мы и теперь ничего не имели бы против того, чтобы переселиться в свободное Монгольское государство, но это дело будущей ситуации и междугосударственных соглашений. Вас же совет — просто забрать монетки и выбраться — разрешите считать пока не только излишне жестоким, но и лишенным практической целесообразности.

Санжа Балыков.

Гипноз и гипнотизеры.

Вероятно, станичники, каждый из вас слышал о таковой называемой силе гипноза. Действительно, сила эта еще не разгадана совершенно и необоснована точными научными данными и законами, но факт ее существования в живых существах несомненен. Говорю о живых существах, так как наличие этой внутренней силы установлено не только в людях, как существа высшего порядка, но натуралисты, изучающие природу и наблюдающие жизнь животного и растительного царств, наблюдают присутствие силы гипноза и у животных. Сила гипноза имеется в каждом человеке, только у одного развита сильнее, у другого меньше. Наблюдались и наблюдаются в жизни случаи также массового гипноза.

— Не подумайте, станичники, что я задался целью написать доклад о гипнозе. Я только хочу указать, как нечто подобное наблюдалось и наблюдается в исторической жизни народов. Только в этом последнем случае это уже не будет гипноз, а просто или физическая сила, или способность одного народа политической или экономической игрой подчинить более слабых соседей своему влиянию и, затем использовать это влияние для своих национально-государственных интересов или же совершенно освоить — ассимилировать этих слабых соседей. Не буду приводить здесь примеров из истории других народов. Для нас, казаков, достаточно наглядного и живого примера, как Россия, сделавшись сильным государством, освоила и подчинила себе много других народов, которые имели несчастье быть ее соседями. В достижении своих национально-государственных интересов Россия, для своего укрепления, не задумывалась приносить в жертву судьбы и счастье целых народов, на которые она имела влияние. Правда, в наш век развития и провозглашения принципа самоопределения народов, мы видим, что Россия не успела еще довести до желанного ею конца свою цель в отношении многих народов. Народы: Польши, Украины, Латвии, Молдавии и других, показали, что Россия, несмотря на вековую политическую работу, не успела усыпить в этих народах чувство своей национальной особенности. Конечно, для порабощения этих народов не употреблялась сила гипноза в прямом смысле, но насаждение и воспитание в русских школах и преподавание русской истории, одобренной цензурой, проводившееся русскими чиновниками, направлявших всю политическую работу по течению русификации — обрусения подчиненных краев, равносильно гипнозу, так как все сводилось к тому, чтобы усыпить национальную душу народа, заставить забыть свое прошлое и научиться думать по-русски.

На нас, казаков, эта гипнотизирующая политика России тоже оказала большое влияние. Как ни прискорбно, но среди нашей казачьей старшины, некоторые, утратив сведения о своей генеологии (происхождении, свою родословную) и заблудившихся в трех соснах, теперь только отыскивали корни своего генеологического дерева и признают, что их предки были беглые рабы и преступники, укрывшиеся в Диком Поле от грозы своих господ. Все возможно. Как нельзя отрицать силы гипноза, так нельзя отрицать другой внутренней силы человека, так называемого подсознательного мышления, а именно: принимаемая во внимание, что душа человека не умирает, а живет вечно, человек иногда переживает и чувствует такое ощущение, как будто бы он когда-то, в далеком прошлом, уже жил. Короче говоря, среди нас есть казаки, которые признаются, что они произошли от русских, и есть казаки, которые от казаков ведутся. Что и говорить — в природе встречаются разные помеси.

Но оставим этой старшине, ведущей свое генеологическое дерево от беглых русских мужиков и преступников, спокойно коротать свои дни. Им лучше знать, ведь они не только грамотны, а кое-чему и учились (только, к прискорбию, свои знания они прилагают на антинациональную работу во вред казачеству). В то время как жертвенно любящие свою родину казаки, объединили Казачество под знаменем Вольно-Казачьей

идеологии, эта старшина работает на раз'единение, стараясь увлечь казаков, увлечь по русскому пути, используя в выгоду для себя остатки непрошедшего еще векового гипноза, как следы долгой русской политической работы.

Они сознают пользу массового гипноза и знают, что чем слабее в волевом отношении и наивнее индивидуум-медиум, тем легче он впадает в транс и в подчинение чужой воле. Отсюда та монополия России на право политической работы среди казачьего народа через посредство агентов из казаков, заранее прикорренных для этой цели.

Киевский князь Владимир умирая, завещал сыновьям быть дружными и едиными национально и заботиться о расширении государства?! Этот принцип, последующие князья и цари, проводили в жизнь, расширяя границы своего государства, жестоко карая изменников „русскому национальному делу“. В своей политике позднейшая Россия не пренебрегала прибегать к изуитскому способу, основанному на девизе: „Цель оправдывает средства“.

И как наглядно показывают исторические примеры, для русских национальных достижений безжалостно уничтожались или обескровливались целые народы. В этом отношении осталась себе верна и теперешняя красная Россия и даже нельзя провести резкой разницы между методами подчинения народов, как например казачьего в Петровский период, так и теперешним советским методом, стремящимся силой небывалого террора, усыпить народную волю. Этому наши края являются живыми свидетелями, а недавний пример Молдавской республики только сильнее подтверждает факт.

Гипноз — усыпление казачьей души продолжалось и во время борьбы казачества за свое освобождение в период 1918—20 годов. На казачьей освобожденной территории двигались за армией вагоны Освага с персоналом, агитирующим идею освобождения казаками всей России, т. е. возвращение русскому народу старой власти, которую он сверг.

— Как показали наглядно недавние гастроли всем казакам известного „Волчьего генерала“ — усыпление казачьей души и казачьего мнения продолжается и теперь. Казаки народ талантливый и находчивый. За время эмигрантской жизни казаки доказали миру, что они могут работать не только шашкой. В больших городах, на концерты, даваемые большими казачьими хорами, всегда заполняются театральные залы европейской публикой, с восхищением слушающей казачье пение; на джигитовки казаков, делающих турне по всему миру, тоже стекается масса публики. Джигиты наши соперничают и оспаривают пальму первенства у мировых наездников — ковбоев. Я слышал, что сам, популярный среди волков, генерал занимался в первое время в эмиграции тем-же, имея в Париже группу джигитов, казачий хор и струнный оркестр...

Не знаю, как все это предприятие окончилось, но только теперь вдруг узнаю со страниц нашего журнала, что он неожиданно выехал из Франции на гастроли в Югославию в качестве гипнотизера, считая повидимому, что казаки еще не вышли совсем из состояния политического усыпления, которое столетиями сообщалось им их же сановными казаками и даже некоторыми атаманами. Как видим из письма станичника Портнова, гастроль партизанского генерала в Скопье как будто бы удалась, но весь фокус был сделан так неловко, что не ускользнул от казаков и весь секрет его работы; к тому же, фокус был проделан не под маркой черной магии, а от имени Войскового Атамана. Невольно в сердце закрадывается сомнение, не останется-ли Войсковой Атаман, продолжая русскую политику, если не совсем без казаков, то с той лишь маленькою кучкой, политическую невинность которой они стараются сохранить и внушить казакам, что им „казакам“, не нужно ни думать, ни рассуждать, а за них думают другие.

Думаю, мало будет охотников из казаков, идти за ними, когда узнают, что их вожди держат направление под скипетр Кирилла, который, если судить, по ветрам, дующим в сфере политики русской эмиграции, ведет на

воссоединение с красной Россией. Захотят ли этого казаки?

Не обливается ли казачье сердце кровью, читая о том, как их Атаманы забывают казачьи адаты и принципы самоуправления казаков и нарушают бытовые традиции народа, не утверждая атамана, выбранного станицей. Ведь у казаков появились „административные атаманы“ только после того, как, под давлением физической русской силы и русской же расказачивающей политики, казаки утерли свою самостоятельность.

Так поступали только назначаемые русскими царями атаманы, посылавшиеся из центра с правами и властью губернаторов. Эти атаманы-губернаторы назначали удобных себе станичных атаманов, взамен негодных выборных, чтобы таким образом легче было усыплять народную казачью свободолобивую душу по русской прописи. Прискорбно, что и Кубанский Атаман вступил на этот скользкий путь, которым уже давно идет донской генерал Богаевский.

Гастролирующие агенты-гипнотизеры из казаков, прикорренные русскими сановниками, явление не новое. Случайно я с этим явлением познакомился в 1918 году. Находясь летом с восставшими казаками в горах, в верховьях реки Белой, в повстанческом отряде генерала Геймана, я в сентябре месяце 1918 года, соединясь с Кубанской армией, влился со своей сотней во 2-й Линейный полк. Взвод моей сотни под командой хорунжего Данилова, с налета выбил красных из станицы Махошинской и последняя добровольно пополнила мою сотню молодыми казаками, в числе около 90 человек. В конце сентября мы занимали позиции перед станицей Лабинской. В последние числа этого месяца из станицы Махошинской приехали старики, уполномоченные станицей, просить начальника дивизии отпустить казаков станичников на один день, на 1 октября, отпраздновать станичный храмовый праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Просьба была уважена и так как почти вся моя сотня состояла из казаков махошинцев, то ее командир сотни получил также от атамана станицы приглашение. Следуя приказанию командира полка, я со всей сотней отправился на праздник станицы Махошинской.

Думаю, каждый из станичников хорошо помнит и знает, как торжественно и весело мы встречали и проводили наши станичные праздники.

После литургии и молебна — обычный парад на станичной площади, а после — обильный обед для гостей.

Столы были приготовлены в станичной школе; гостями были также атаманы ближайших станиц, именно: станицы Костромской и Ярославской.

В этот период времени в станицах были выбраны члены Рады, которые должны были ехать в Екатеринбург для выборов Войскового Атамана. После обеда назревал разговор о политике и, между прочим, о предстоящих выборах. Фамилию выборного от станицы Махошинской я забыл; от станицы Костромской — учитель из казаков, если не ошибаюсь, Кислов. Последний спросил меня, что представляет из себя генерал Покровский, казак-ли он? Я ответил, что прошлого этого генерала я не знаю, слышал только, что он летчик-капитан, значит не казак. — Но, позвольте, вмешался в разговор атаман станицы Ярославской, — как же мы его изберем в Войсковые Атаманы, если он не казак? — Да кто же вас заставляет выбирать его в атаманы, — отвечаю я, у нас ведь есть свои казаки, их и выбирайте. — Да вы, господин сотник, наверно ничего не знаете из того, что тут у нас по станицам происходило?

И вот он мне рассказывает, как в его станицу, а также Махошинскую, Кужорскую и другие, приезжали казачьи офицеры (полковники) уговаривать казаков дать свои приговоры на согласие иметь Войсковым Атаманом генерала Покровского; — мы, ярославцы, приговора не дали, — тогда, приехавший нас уговаривать, полковник станицы Хамкетинской Романцов, рассердился и даже угрожал. Все это подтвердилось другими гостями атаманами...

Вот теперешние гастроли „волчьего генерала“ мне живо напомнили тех прежних гастролеров. Думаю, что некоторые из кубанских полковников, ездившие агентами генерала Покровского для отобрания нужных при-

говоров, могли бы открыть много сторон закулисной антиказацкой работы того времени, если бы они имели гражданское мужество сознаться в своих прошлых ошибках перед казачеством и признаться, что по своей политической неграмотности они попали в число танцующих под русскую дудку и были слепым орудием в руках русских сановников для загона казаков в русские сети.

Конечно, атаману Ковгану нельзя ставить в большую вину, что он расгубил и не указал генералупартизану соответствующее для гостя место; падать духом нечего, один раз ошибся, в другой раз ошибка не повторится, ибо на ошибках учатся. Нужно еще заметить, что над нами казаками продолжает тяготеть этот русский гипноз, занесенный к нам на Кубань ими и как-то незаметно установившийся обычай на все важные посты и должности выбирать обязательно генералов, как будто-бы генеральские погоны доказывают наличие ума данного лица или же его особо выдающуюся способность для данной должности.

Вот и сейчас, мы, вольные казаки, перед должностующим быть нашим С'ездом, повидимому еще не освободились от этого гипноза, если среди казаков раз'езжают генералы, которые незаметным образом бросают мысль о своей кандидатуре в Походные Атаманы. На Вольно-Казачьем С'езде поднимутся и будут обсуждаться вопросы государственной важности Казаки. Русские правильно оценивают значение Вольно-Казачьего С'езда и вообще Вольно-Казачьего движения и оживили свою работу против казаков.

И вот, как следствие этой работы, повидимому, и явилась поездка генерала из Парижа на гастроли в Сербии, а попутно с этим, как бы незаметное, рекламирование себя в Походные Атаманы.

Перед вольными казаками еще обширное непротренированное поле серьезной, долгой и напряженной политической работы и их Походному Атаману нужно сейчас не умение работать шашкой, а умение разбираться в сложных и в чрезвычайно капризных положениях современной мировой политико-экономической жизни и дипломатии. Жизнь не стоит на месте, ибо жизнь есть движение. Ведь даже мертвая русская эмиграция начала, повидимому, двигаться по своему историческому пути на воссоединение со своей составной частью, от которой она оторвалась. Предоставим им следовать своим путем. У нас, казаков, свой исторический путь и как раз не совпадающий с русским.

Хочется крикнуть так, чтобы все казаки и там и здесь услышали бы: „Станичники, довольно спать! Встряхните с себя вековой гипноз, усыплявший казачью душу русскими, никогда не выполняемыми обещаниями, слышите-ли, вы!.. Пусть же русские казаки из старшин, рожденные ползать у ног русских царей и вельмож, занимаются этим, приятным для них, времяпровождением, а мы, вольные казаки, пойдем своим путем к намеченной нами цели! Впереди много работы и понадобится максимум напряжения вольно-казачьих сил. Время отсеет всех малодушных и под Вольно-Казачим Знаменем соберутся только сильные вольные казаки. Истинные казаки малодушия не знают.

Есаул Н. Посохов. (Италия).

„Атаманская платформа“.

Иногда в постановлениях некоторых эмигрантских казачьих организаций, а также в разговорах с отдельными лицами из этих организаций приходится читать и слышать, что эти организации созданы в духе казачьих Конституций и постановлений ОСДКТ, что на местном языке называется „атаманской платформой“. Относительно совместимости Конституций и актов ОСДКТ я и хочу побеседовать с читателями нашего журнала.

Когда совершился большевицкий переворот в России, Юговосточное Казачество: Дон, Кубань и Терек не признали этого переворота, не пожелали подчиниться большевицкому насилию и каждое Войско в отдельности объявило себя независимым от Сов. России государством. С этого времени вся административная и

общественная жизнь этих государств велась согласно специально выработанных постановлений и Конституций этих новых государственных образований.

Когда же в начале 1920 года территория Юговосточного Казачества была оккупирована красной армией советской власти, ни одно Войско не признало этого, не отказалось от своих Конституций, каковой идеологией и продолжает жить до настоящего времени за границей. Вот почему для каждого казака-эмигранта, должно быть ясно, что он, как казак, является казачьим эмигрантом, а посему все силы должен приложить только для освобождения казачьего края, предоставив дело спасения России самим русским, а тем паче в этом духе должны, казались бы, вести свою политику те, кого казаки поставили в свое время быть блюстителями своих Конституций.

В действительности происходит обратное: казачья эмиграция в массе осталась верна своим Конституциям, официальные вожди же Казачества молятся чужому Богу и злоупотребляют своим авторитетом, навязывая свою атаманскую идеологию всей казачьей эмиграции. Политическую переоценку ценностей Казачество сделало еще будучи в своих строевых частях в Чаталдже и на Лемносе; детально разобравшись в своем казачьем вопросе помог казачьей массе журнал „ВК“, вожди же Казачества, принесшие в свое время присягу перед святым евангелием и славными боевыми знаменами — служить избравшему их Казачеству и прочему населению края, очутившись в эмиграции, актами ОСДКТ нарушили свою присягу и все свои силы направили не для освобождения своих государств от красной Москвы, а для ниспровержения существующего советского строя в России.

Договором 1 (14) января 1920 года ОСДКТ, состоящий из Атаманов и председателей правительств, заключил между собой соглашение, на основании которого Дон, Кубань и Терек, сохраняя в неприкосновенности свои Конституции, по вопросам: внешних сношений, военным, финансовым и экономическим и общеполитическим действуют объединенно. В таком же духе редактированы и остальные четыре пункта этого договора.

Что же касается платформы этого Совета, утвержденной 11 и 12 июня 1923 года, то она диаметрально противоположна как прежнему договору, так и Конституциям этих краев. Это постановление, которому Об. Советом присвоено название „основного положения казачьей платформы“, от своего первого и до последнего пункта проникнуто духом единоначалия и сыновней преданностью „матушке России“.

Привожу здесь только первые три пункта этого постановления:

1. Борьба с коммунизмом и свержение диктатуры коммунистической партии в лице советской власти на территории России.

2. Воссоздание государственного единства России на началах свободного соглашения с национальными и территориальными государственными образованиями, возникшими во время революции на территории России.

3. Установление Российской общегосударственной, а также и краевых властей на началах народоправства. Свободное волеизъявление народа путем созыва представительных народных собраний“.

В таком же духе редактированы и все остальные пункты „этой платформы“. Этот акт ОСДКТ в корне расходится с политической идеологией казачьей эмиграции и никак не может претендовать на то, чтобы называться „платформой Юговосточного Казачества“; это только атаманская платформа, которую никак нельзя совмещать с Конституциями этих Войск и политическими убеждениями казачьей массы в эмиграции.

„Наш девиз — Казачья Воля, Казакья наша цель“ и когда обстоятельства так сложатся, что Казачество по возвращении в родные края сможет внести коррективы в свои Конституции, этим делом займутся те высшие законодательные учреждения, которыми в свое время эти Конституции составлялись; Атаманы же, даже находясь в эмиграции, на это права не имеют, потому что они являются носителями только исполнительной власти, отнюдь не законодательной власти

своего края. Вот почему такой акт, как постановление ОСДКТ, не будучи утвержденным Войсковыми Кругами и Законодательной Радой, ни к чему казачью эмиграцию не обязывает и остается только актом, но не законом.

20 февраля 1932 года. Штат Виргиния. Сев. Ам.

М. Черныш.

О С'езде.

Когда читаешь или слушаешь разнообразные суждения и определения, как сущности самого будущего нашего вольно-казачьего с'езда, его задач так и даже названия, чувствуешь необходимость уточнения этого вопроса. Во-первых, наш с'езд будет чисто вольно-казачьим; самое точное название по моему это — „С'езд Представителей Вольно-казачьих Организаций“. От такого уточнения будет зависеть и правильное определение дальнейших вопросов по с'езду. Так, например, некоторые думают, что вольные казаки хотят переизбрать атамана или атаманов; одни вольные казаки на это возражают, в частности и редакция „ВК“, другие — наоборот, пишут, что „с'езд изберет всеказачьего походного атамана“ (№ 102).

По моему, о „всеказачести“ пока речи не может быть; надо, чтобы название соответствовало действительности. Поскольку с'езд — вольно-казачий, то не может быть на нем выбираем „всеказачий атаман“, какового в условиях сегодняшнего разброда не может и быть. Поскольку „ВК“ есть политическое течение, то оно будет возглавляться не „походным атаманом“ а скорее всего, каким-нибудь — „Председателем Центрального Комитета ВК“ или кем-нибудь в этом роде. И он будет руководителем, лидером вольноказачьего движения, представляющим его во вне и старшим над вольными казаками, а на всеказачье признание, пока, мы претендовать не можем, и это — до тех пор, пока наше движение не будет принято всем Казачеством. Так мы будем в более неуязвимом положении.

Что касается возможности самого с'езда, то мы, вольные казаки, раз взялись за это дело, то должны во что бы то ни стало довести его до конца. Денег, судя по отчетам в журнале, собрано еще не много, а их надо, все же порядочно.

Недавно мне пришлось прочитать одну маленькую заметку о том, что 10 апреля освящается в Англии один храм, оцениваемый в 70.000 фунтов стерлингов. Но дело не в этом, есть храмы гораздо дороже, а в том, что этот храм построен в буквальном смысле руками четырех монахов, имевших при начале постройки всего один фунт стерлингов. При чем, строили они его 25 лет и не прибегали к посторонним пожертвованиям...

Не правда ли, какой поучительный случай: для того, чтобы четыре человека, располагающие суммой в один фунт, взяли собственноручно воздвигнуть грандиозный храм, нужна великая вера. А для того, чтобы, раз решившись, 25 лет непрерывно и кропотливо класть его, нужна завидная энергия и упорство.

Нас не четверо, на худой конец нас сегодня сотни, многие из нас сильны, молоды, в нас горит неподдельная любовь к родине, мы верим в правоту начатого нами дела и нам нужно только быть упорными в нашем стремлении. Вот почему я в прошлом году возражал на надежды некоторых наших станичников, что кто-то нам даст деньги на с'езд, да кто-то созовет нам его, да еще „всеказачий с'езд“, а когда же вопрос, наконец, был поставлен так, как я его представлял, то теперь я только молюсь, чтобы мы были неотступно упорны в нашем желании.

Вероятно, многие вольные казаки уже внесли свою лепту в фонд с'езда но, как мы ни бедны, видимо, придется и не раз и не два это проделать. По моему, курень Юрия Ганчарова в Братиславе или ОРК в Париже стали на верный путь, постановив о ежемесячном отчислении; не нужно особенно напрягаться в смысле суммы, но хоть по копейки, но только регулярно, это гораздо будет чувствительнее. Как капля незаметно наполняет большой сосуд, так и здесь, самое дальнейшее,

ну, через год что ли, у нас будет нужная сумма для созыва вполне самостоятельного „С'езда Представителей Вольно-казачьих Организаций“ для решения всех важнейших вольно-казачьих вопросов. Вера и упорство вот — ценные качества вольного казака.

Ш. Нимино.

Оказачивание.

Как известно, в Париже существует казачий клуб, цель и задачи которого — всячески клеймить и поносить вольных казаков за то, что они осмеливаются вырывать Казачество из когтей всевозможных порабителителей и стремятся сохранить его вольным и ни от кого независимым. Казалось бы, такая простая истина должна быть ясна и понятна для всех. Ан нет! Господам „ученым“ из казачьего клуба „не нравится“ вольно-казачья идея...

Особенно они нападают на вольных казаков за „легкомысленное“ разрешение вопроса о коренных иногородних казачьих краев. По их утверждению, никто и ни при каких обстоятельствах из коренных иногородних казачьих краев не пожелает стать гражданином казачьего государства. Как же думают сами иногородние по этому вопросу?

Случайно мне пришлось встретиться с несколькими простыми коренными крестьянами земледельцами с Кубани, которые в разговоре со мной по вопросу оказачивания, формулировали свою мысль так: отказываться от гражданства Казакии — это отказаться от живого и реального и защищать что то неизвестное... Им известна Россия: монархическая, социалистическая, генеральская — Деникина и Врангеля — карательные отряды которых очень памяты как им, так и казакам, и большевицкая. При всех вышеперечисленных режимах России коренным иногородним Казачьих Краев одинаково жилось и живется как и казакам — не сладко. С голодом и нуждами коренных крестьян, как и с голосом казаков, никакое правительство России не желало и не желает считаться, а верить и надеяться в какую то особую Россию, совершенно нет никаких оснований, ибо сами бывшие русские вожди не верят в эту особую фантастическую Россию.

Кроме вышеупомянутых соображений, есть более серьезное и ценное основание поскорее влиться в казачью семью, это то, что их деды, отцы и они сами родились и воспитались на казачьих полях и в казачьей семье, а очень много их переродилось с казаками.

Таким образом, подлинной родиной их являются Казачьи Края, а не бесправная для них Россия. Что же лучше: быть в казачьем государстве полноправным гражданином и пользоваться всеми его несметными богатствами, или остаться русским мужичком безголовым и понукаемым всеми, кому не лень?

Конечно, такое мнение простых крестьян для г. г. „ученых“ из казачьего клуба будет, может быть, и смешным и „предательским“, ибо они не допускают права на здоровое мышление простой массы, а особенно в таком важном вопросе, как государственное строительство.

Но, может быть, это только такие „ученые“ так поступают, которые исповедуют монархические убеждения, а демократы иначе смотрят? Совсем нет? Второстепенный лидер демократической партии г. Харламов в своем докладе, разбирая крушение „белого“ движения, заявил, что белое движение потерпело крах „в силу известных обстоятельств“ и что ген. Деникин тут не причем. Защищать Деникина — значит защищать Деникинскую порку крестьян, расстрелы без суда, грабежи и вообще полный произвол, который творился при Деникине.

Paris, 21-3-32.

А. Лысенков.

Письмо казака из Болгарии.

Дорогие братья казаки!

До сих пор я не только не писал, а даже не думал и не знал о том, что создали теперь наши казаки. Доныне для меня все было как бы в тумане. Наконец я поднял свою голову после долгого сна, длившегося не-

сколько лет. Вижу, что Казачество вновь очнулось и работает над своим спасением и работает дружно, так как с каждым месяцем все крепнет дух казачий и все большее и большее число казаков начинают подымать голову и с надеждой смотреть на свое будущее. Нам всем известно, что всякий казак скорее поймет казака, чем кого либо и потому нам надо чаще и честно обмениваться мыслями хотя бы через страницы нашего журнала. Как камень однородного состава бывает крепче, так и мы, казаки, должны быть одного духа и мнения и тогда нас не одолеют вражьи силы.

Так вот, братцы, давайте мы построим новый крепкий фундамент нового казачьего дома по прапрадедовскому манеру. А кому охота исправлять обвалившийся русский дом, те пусть идут за старыми русскими вождами, которые уже однажды сделали свое дело и теперь сидят здесь и молятся на батюшку царя, от которого ждуть, что он займет место Сталина, а своих сторонников позовет на комиссарские места, а казаков на роль нынешних чекистов.

Ну, Бог с ними. Пусть делают, что хотят, а мы без них знаем дорогу в наши вольно-казачьи степи, но зато пусть не надеются, что теперь им удастся укрываться за казачьей спиной. Мы, казаки, уже проснулись и догадались во имя своей казачьей родины объединиться вокруг нашего журнала, ведущего нас к спасению. Монархисты тоже хотели бы создать такой журнал, да кишка тонка, у них есть только редактор, да помощник, а казаков нет, а если и есть кто, так только потому, что кое кому припадает кусок хлеба от этого.

Не надо их обижать, они такие же казаки, как и мы; верю, что когда наша каша сварится, то и они придут с ложкой.

У нас здесь (в Лесковаце) тоже было монархическое собрание, на которое совершенно случайно пришло шесть человек. Дело было так: было воскресенье, значит, свободный день; вот и появились два наших сапожника, два овчара, которые, вследствие снега, не могли выгнать в поле овец, а мы с другом бежали по улице пилить дрова и забежали погреться у печки. Но ни один из нас шестерых ничего общего с младороссами не имели и не имеем. Когда мы таким манером собрались, председатель открыл собрание и понес о царе батюшке, да как он хорош и как много казакам может сделать. Видим, что не туда мы попали и начинаем со скуки картинку на стенках разглядывать (дело было в классе местной школы). Слушали, слушали мы его, а потом наши ребята не выдержали под конец и говорят ему: „Во всяком случае за Кириллом казаки не пойдут“... И ушли мы.

Теперь слышно, что этот младоросс пускает по Лесковацу слух, что все казаки здесь большевики, не хотят идти за „законным царем“ и что нужно их попробовать привести к присяге и просит на помощь попа. Но нам теперь хоть двух полов присылай, мы все равно останемся вольными казаками. А если в самом деле делает собрание и вздумает приглашать нас — присягнуть, то увидит, что с ним будет.

I-III-32. Лесковац. Болгария. Казак ВВД Д. Садчиков.

С. Савельев.

Обо всем понемногу.

I. Неприятный для русских факт.

В газ. „Возрождение“ (№ 2498) напечатана беседа с англичанином, только что вернувшимся из СССР, где он три года служил в качестве специалиста по сельскохозяйственным тракторам. В ней рисуется, в главных чертах, всем известное общее тяжелое внутреннее положение СССР.

Сейчас я не собираюсь говорить об этом общем внутреннем положении, а хочу лишь отметить на страницах журнала „ВК“ одно место из показания этого беспристрастного иностранного свидетеля, место, очень приятное для нас, самостийников, ибо оно лишний раз подтверждает правильность нашей политической позиции, но столь же неприятное для русских „патриотов“, ибо оно выбивает из их рук противо-самостийническое орудие.

Этот англичанин говорит, что там „все мечтают о войне и возлагают на нее надежды. Украинская и казачья агитация развивается на юге очень сильно и многие думают, что там (в Украине, Казакии) неминуемы крупные восстания“... — „Вдобавок, на юге нарастает сильная неприязнь к иностранцам, которым все завидуют за их сравнительно более сносное положение. В народе всюду идут разговоры об отобрании имущества у всех чуждых элементов (по казачьи — у всех пришельцев. С. С.) и об изгнании их из Края. Правительство принимает весьма решительные и жестокие меры к подавлению этой агитации и кохране иностранцев, но общее брожение от этого не уменьшается“...

Так прямо и определенно сказал живой свидетель, англичанин, о существующем и развивающемся (даже под большевицким прессом!) украинском и казачьем сепаратизме.

Правда, он, вероятно, не без подсказки интервьюера „Возр.“, нашел нужным несколько смягчить впечатление своего рассказа о развивающемся „там“ украинско-казачьем сепаратизме. Но само это смягчение лишний раз усилило впечатление и подтвердило наличие и популярность „там“ сепаратистской идеи, ибо он

сказал следующее: „никаких сознательных стремлений к сепаратизму на юге не замечается, но все согласны с тем, что необходимо освободиться от всех пришлых элементов, а в первую голову от московских коммунистов“, т. е., говоря проще, все коренные жители Украины и Казакии считают необходимым изгнание северных русских пришельцев, устроение своей жизни по своему разумению без чужих указок, что и называется чистой водой самостийностью.

Больше того. Этот англичанин в своей беседе пошел еще дальше и говорит: „Правда, на Украине и на Кавказе есть достаточно и собственных коммунистов, но они все более расходятся с московскими коммунистами и, в случае столкновения, вероятно, станут на защиту своих местных интересов“...

О чем свидетельствует это показание объективного иностранного наблюдателя жизни на Украине и Казакии? Оно непрерываемо свидетельствует о трех вещах:

1. О единодушном желании коренного населения Казакии и Украины — изгнать из пределов своей Родины северных пришельцев („московских коммунистов“) и устроить свою жизнь по своему; о популярности в народе этой идеи и о том, что единственным и реальным средством для достижения этой цели народ считает войну с большевиками, почему „все мечтают о войне и возлагают на нее надежды“.

2. О том, что правительство „красной Москвы“ „принимает весьма решительные и жестокие меры к подавлению этой агитации“, но все же искоренить „там“ сепаратистское движение оно не в состоянии, ибо „общее брожение от этого не уменьшается“;

3. О том, что в случае открытой схватки с „красной“ Москвой, все местные коммунисты станут со своими народами против Москвы „на защиту своих местных интересов“.

Пусть об этом сокровенном желании своего народа, нечеловеческим стоном стонущего под тяжелым игом русских людей, именуемых большевиками, слышат и разумеют все казаки:

Вольные казаки — для нового подкрепления своей веры в возрождение Казачества (когда весь народ

думает об одном и стремится к одной цели, то он не пропадает, непременно возрождается!) и еще большего развития своей работы на фронте сепаратизма.

„Русские казаки“ — для проверки своей совести и уяснения себе: куда они идут и зовут за собою казаков и с кем они идут? Есть им над чем задуматься. И есть еще у них время раскаться и искупить свой невольный (быть может) грех перед родившим их Казачеством, которое и под каленым железом русских большевиков не отказывается от своего древнего идеала, лелеет мечту об изгнании из своей Родины пришельцев из Москвы, об устроении своей жизни по своему „древнему казачьему обыкновению“.

II. Об одном недоразумении.

В февральском номере журнала „Горцы Кавказа“, на последней странице его, есть коротенькая рецензия на непериодический орган „Кубанский Край“ (IX. 1932). В этой рецензии с явной симпатией к „Куб. Краю“ приводятся ровно три строчки из статьи некоего Марко Пидгирного из „Куб. Края“ по поводу „Вольн. Казачества“. Вот эти строчки: „мы (т. е. редакция „К. К.“) убеждены в том, что с „великой“ вольно-казачьей тучи будет в результате „малый дождь“, а сегодняшние строители „Казаккии“ преспокойно пойдут следом за ген. Быкадоровым“.

Если судить по содержанию этой малюсенькой рецензии, то кажется, что она и написана то только для того, чтобы привести эти строчки, долженствующие „уколоть“ В. К.

Я в этой маленькой заметке не собираюсь говорить ни о той элементарной, мягко выражаясь, нетактичности писак из „Куб. Края“ (да и самой редакции!), которые „убеждены“, что все тысячи идейных вольных казаков являются бесчестными людьми, ветродуями, которые, по убеждению „К. Края“, „преспокойно пойдут следом за ген. Быкадоровым“, т. е. завтра начнут поносить то, чему сегодня они свято верят, поклоняются, молятся.

Говорить с такими людьми — бесполезное дело! Не буду писать и по поводу их „иронии“ на счет „великой тучи“ и „малого дождя“ (обычно, от великой тучи бывает и соответственный дождь). Бог с ними, с их иронией! Кому делать нечего, тому не зазорно и топором браться!

Не собираюсь я полемизировать и с теми некоторыми горцами из журнала „Горцы Кавказа“, которые, очевидно, упорно желают иметь дело в конечном счете с „Великой Россией“, враждебной к горцам, чем иметь дело хоть и не со столь великой, но зато дружественной к горцам Казаккией.

О вкусах не споря.

Мимходом лишь скажу, что придет время (и, может быть, недалеко оно!), когда эти „неверующие“ горцы признают свою ошибку и будут жалеть о том, что теперь кое-где позволяют себе говорить о Казаккии такие вещи, кои, в интересах самих же горцев, говорить не следовало бы.

В этой заметке я хочу лишь сказать „пару слов“ по поводу одного недоразумения. В данной рецензии в журнале „Горцы Кавказа“ казаки самостийники делятся на два лагеря: группирующихся вокруг журналов „ВК“ и „К. Края“.

Верно-ли это? Совершенно нет. Это — глубокое заблуждение. Может ли кто назвать сейчас, скажем, В. А. Харламова казачьим самостийником? Конечно, нет. Точно также, ни в коем случае не могут называться казачьими самостийниками и люди, группирующиеся вокруг „К. Края“. Ибо, как первый, Харламов, так и последние не рассматривают Казачество как особый народ, как нечто самодовлеющее, а видят его в качестве какого-то придатка другого: сильного, мощного государства.

Если Харламов со своими друзьями желает видеть Дон в качестве автономного придатка к Великой России, то и „К. Край“ также желает видеть Кубань в качестве автономного придатка Великой Украины; если первые величают себя „русскими казаками“, то последние (люди из „К. Края“) идут еще дальше и уже на-

зывают себя только „украинцами с Кубани“. Так что тут казачья самостийность не делала даже и полдневного привала.

Да, люди из „К. Края“ — самостийники, но самостийники не казачьи, а украинские, ибо они стоят не за самостоятельность Кубани, а Великой Украины. В этом смысле и Харламов является своего рода самостийником, но опять не казачьим, а русским, ибо и он тоже стоит не за самостоятельность Дона, а Великой России.

Получается странная вещь: люди сами себя называют украинцами, а к ним почему-то приклеивают марку казачьих самостийников. Для чего и почему это делается?

Пора же, понять эту простую вещь, что казачьи самостийниками могут называться только те, которые проповедывают идею независимого казачьего государства. А пока что, имеется только один такой казачий самостийный лагерь. Это — Вольное Казачество, на программе которого написано: объединенное, единое казачье государство — Казаккия; никаких господ, никаких опекунов над Казачеством!

Других казачьих самостийников нет.

III. Начало признания советской власти русскими эмигрантами?

События на Дальнем Востоке явились отличной лакмусовой бумажкой для определения истинного „нутрянного“ отношения русской политической эмиграции к большевикам и советской власти.

Освобождение Манджурии от китайской „перманентной“ анархии, от налетов китайских бандитов, с одной стороны, с другой — из под влияния жизнь разлагающей советской пропаганды и, с третьей — создание, согласно воле местного населения, независимого Манджуро-Монгольского государства, а также перспектива освобождения из под власти большевиков восточных областей СССР, заселенных преимущественно „иногородцами“ — казаками и выходцами из Украины и создание из них так называемого „буферного“ государства, — все эти вопросы больше всех встревожили русскую эмиграцию, которая забила во все московские колокола.

По „японо-китайскому вопросу“ успели высказаться лидеры почти всех русских эмигрантских политических течений.

Тон задал русский демократический папа, проф. П. Н. Милоков, который, доказав, как дважды два четыре, что создание Манджуро-Монгольского государства и освобождение из под власти большевиков восточных провинций СССР являются огромнейшим вредом для национальных интересов России и не видя других живых сил для защиты и ограждения этих русских национальных интересов от покушения „преступной“ Японии, открыто призвал русских эмигрантов „сочувствовать советской власти в ее борьбе за русские интересы“. Он, Милоков, из своего политического арсенала уже исключил активную борьбу с большевиками, ибо, по его мнению, „будет большее несчастье, если русские снова будут драться с русскими“, т. е. с большевиками.

Русский эмигрантский царь, Кирилл I, еще до этого, в своем новогоднем манифесте, признал, что строительство советской власти есть дело самого русского народа. — „Разве строительство, которое там (в СССР. С. С.) ведется, не есть дело самого русского народа — подлинное его стремление воссоздать свою Родину?... Каждый успех в строительстве есть победа русского народа. Допустимо ли ему мешать в достижении полного торжества? Каждый русский человек должен всеми силами помогать возрождению могущества своего отечества... Только помогая воссозданию русской мощи, мы опять сольемся со своим народом и вернемся на родную землю“...

Сказано ясно и определено: чтобы вернуться на Родину и „слиться со своим народом“, русские эмигранты должны помогать советскому строительству.

Высказался по японо-китайскому вопросу и А. Ф. Керенский, который, в противоположность Милокову,

утверждая, что большевики „никогда и нигде“ не могут защищать русские национальные интересы, на вопрос — что же делать? — ответил так: „На этот вопрос в наших эмигрантских условиях логический, доказательный ответ дать почти невозможно... Оттуда, из России, должны ждать признаков новой борьбы и новых событий“. Т. е. русская эмиграция бессильна что-либо предпринять и делать, она должна не рыпаться, сидеть и ждать, пока русскому народу-„богоносцу“ заблагоразсудится когда то начать борьбу с большевиками. Улита едет — когда то приедет!*)

Поведал миру свое откровение и лидер русской социал-демократической партии, г. Дан, позиция которого в данном вопросе сходится к следующему: японо-китайский конфликт грозит превратиться в Японо-советскую войну; всякая война приведет к свержению советской власти, на место которой придет власть фашистской, бонапартистской диктатуры, что погубит „все завоевания русской революции“. А посему, все честные русские эмигранты должны стать против всякой войны, сулящей свержение советской власти.

Приблизительно на такой же позиции по данному вопросу стоят и официальные лидеры партии социалистов-революционеров.

Наконец, нашел нужным высказаться по этому вопросу и б. вождь „белого движения“, ген. Деникин, 12 лет молчавший. Уж настолько встревожила русскую эмиграцию как будто намекающаяся некоторая даже „частичная“ угроза советской власти с Востока.

По всему тому, что говорил этот б. вождь „белой армии“, можно придти к выводу: если возникнет вооруженное столкновение советов с внешним миром, то ген. Деникин, во имя защиты национальных интересов России, как будто уже готов стать рядом с большевиками и обратиться к своему белому воинству с аналогичным обращением, с каким в 1920 году обратился ген. Брусилов к русскому офицерству — поступать в красную армию во время польско-советской войны. Кажется, он к такому „патриотическому“ шагу уже достаточно психологически подготовлен.

Не разбираясь во всем том, что он говорил, на страницах „ВК“ следует зарегистрировать некоторые пункты его доклада.

Первый пункт: „Переплелись в порочном круге советские и русские интересы“, т. е. говоря проще, по мнению ген. Деникина, уже нельзя отделить большевиков от русских.

Дальше: „Обязанностью гражданина (читай — эмигранта!) является защищать территориальную целостность государства“, т. е. СССР, следовательно и, существующую в нем власть. „Оккупация Манджурии (т. е. образование Манджуро-Монгольского самостоятельного государства. С. С.) явилась прямой угрозой русскому Дальнему Востоку“, а посему „участие наше на стороне захватчиков русской территории (Манджурия — русская территория!? С. С.) недопустимо“. Но „трагизм в том, что и защищать для нас невозможно, пока русская армия (читай — красная армия! С. С.) не сбросит (?) с себя ига советской власти“.

О путях русской эмиграции ген. Деникин, по отчету „ПН“, сказал следующее: „Что говорить о путях, когда неизвестно, кто, куда и зачем по ним пойдет?“ Иными словами, по ген. Деникину, у русской эмиграции нет определенных путей, перед ней — тупик. Правда, он признает один путь (активная

*) Интересно тут же отметить: все русские „патриоты“ последним словом поносят казачьих самостийников за то, что они ищут союзников, которые готовы помочь делу освобождения казачьей Родины. Но, оказывается, русские так делают только лишь потому, что знают, что нет сил, готовых помочь им, русским, во имя России. А если бы такие силы были, то они перед ними на коленях ползали бы и просили бы помочь им. По крайней мере так утверждает Керенский: „О, если бы я знал, что где то в мире есть такая сила, которая готова помочь нам свергнуть ненавистное иго... я бы на коленях стал просить о помощи“ („Дни“, № 151).

борьба с большевиками), но этот путь он приемлет „при одном непременном условии: никаких буферов“ и — „с занятием первого клочка освобожденной русской земли и до последнего над ним должен быть поднят русский флаг. С первого же дня они, под международной гарантией, должны быть частью единой России“. А клочками русской земли он считает Украину, Кавказию, Кавказ, Туркестан, Дальний Восток, Монголию, Манджурию и т. д. и т. п.

Это свидетельствует о том, что богатая и кровавая практика ген. Деникина в прошлом во имя таковой единой России, объявление всех этих „клочков“ „русской землей“ и, наконец, 12-летнее его спокойное размышление в эмигрантском сидении ничему его не научили. И если бы представилась возможность, то он снова начал бы повторять политику своей „белой эпопеи“, политику объявления войны всем народам, приведшей его и их к катастрофе.

Стоит отметить и то, что говорит Деникин сторонникам из своей же русской среды создания „буферных“ государств, т. е. сторонникам сепаратизма временного, „впредь до“...

Он говорит: „Будьте последовательны: если одни отдают Японии Дальний Восток, то не приходится осуждать других, которые отдают Финляндии — Карелию, Эстонии — Ингерманландию, Румынии — Бессарабию; не надо противиться украинскому „буферному“ государству... Не надо тогда возмущаться новоявленной Казакией, сибирским и казакским сепаратизмом, ибо все эти буферы, все эти отрывы „клочков земли“, действительно, ослабили бы советскую власть и повели бы, быть может, к ее падению“.

Над этими подчеркнутыми нами словами Деникина стоит сильно призадуматься казакам. Это замечательное и знаменательное признание, оправдывающее, хотя бы по одной этой причине, позицию самостийников. Нужно вникнуть в смысл этого его признания: осуществление казачьего, украинского и т. д. сепаратизма „действительно, ослабили бы советскую власть и повели бы, быть может, к ее падению“. Но, говорит Деникин, делать этого не надо, ибо „что случилось бы тогда с Россией!? Отрезанной от морей и житниц, окруженной враждебными образованиями, отброшенной вспять на пять столетий“...

Отсюда становится понятным — почему с такой радостью принял ген. Деникина в свои объятия проф. П. Н. Миллюков, незадолго перед тем открыто призывавший русских эмигрантов сочувствовать советской власти...

Такова обнаружившаяся на этой лакмусовой бумаге (Японо-Китайский конфликт) природа русской политической эмиграции, ее подлинное отношение к большевикам, к советской власти.

Не лучше обстоит дело в этом отношении и у некоторых наших донских „вождей“. Из Кальвадоса казак мне пишет, что на состоявшемся там докладе вольного казака, полк. Жукова, выступал донской „вождь“, Н. М. Мельников, специально для этого в экстренном порядке прискакавший из Парижа. Когда казаки, что называется, прижали его к стене, поставив ему прямо вопрос: „а что же делаете вы, на что надеетесь?“, то Мельников ошарашил всех столь же прямым и коротким ответом: „Я в этом отношении — большой пессимист, я считаю, что все мы — политические банкроты“...

Говорят, что такой ответ Мельникова возмутил казаков, которые стали кричать: так зачем же вы числитесь в „вождях“, когда считаете себя полным банкротом? и т. д.

Вот то настроение, положение и состояние политических умов в среде русской эмиграции, а вслед за нею — и у некоторых б. казачьих вождей. И это состояние хорошо выражено в словах Мельникова „все мы — политические банкроты“ и в призыве проф. Миллюкова „сочувствовать советской власти“...

Есть над чем казакам сильно призадуматься и, призадумавшись, разобравшись во всем, определить свое место, свой политический путь: с кем идти, куда идти и зачем идти?

Т. Хоруженко.

О комбатантских карточках.

Думал, думал Донской Атаман и додумался. Формирую новое Войско. Есть Донское, Кубанское, Терское, Астраханское, Уральское и др. Войска — формирую Русское Казачье Войско.

Объявление на страницах „Последних Новостей“: „Казачи, желающие приобрести комбатантскую карточку, благоволят подать на мое имя заявления со сведениями о ранениях, контузиях и полученных наградах. Карточку могут получить как участники Германской войны, так и Гражданской. Наконец мне удалось получить согласие Председателя Национального Союза Комбатантов на сформирование отдельной секции, под названием „Союз Русских Казаков Комбатантов“, которая войдет в Национальный Союз. При заявлении и сведениях прилагать 15 франков, для французского и нашего союза“.

Прошла неделя, новое объявление казаков Парижской студенческой станицы: „Спешите подавать заявления“.

Еще неделя и опять объявление: „Мною получено много заявлений с просьбой о принятии в наш союз. Предупреждаю, что в наш Союз будут приниматься казаки и лица заслужившие быть зачисленными в казачье сословие и ни в чем не опороченные. Все заявления строго проверяются. Предлагаю заявления заверять у авторитетных в эмиграции лиц. Карточки уже заказаны и одобрены Председателем Национального Союза Комбатантов, они будут иметь такое же значение, как и карточки воинских объединений, признанных французскими властями“...

Комбатантская карточка, выданная французскими Союдами Комбатантов, имеет большое значение, а посему, хоть я и имею ее, но нужно мне заменить ее на 1932 год. Хотел обратиться к А. П., но, прочитав его 2-е объявление, я стал втупик. „Казачи и лица, заслужившие быть зачисленными в казачье сословие“... Родился я казаком, вырос, служил, дослужился до чинов, при чем производился по казачьему Войску и теперь, чтобы получить карточку, я должен начинать с начала, т. е. сказать, что я не знаю, кто я, скажите мне, кто я?

Объединив оба объявления, я догадался, в чем дело.

Оказывается, А. П. решил... сфабриковать новое „платежеспособное“ Войско под названием „Союз Русских казаков“, куда будет зачислять казаками всех, представивших рекомендации авторитетных лиц эмиграции. Вероятно, это Войско будет во всем гармонировать со своим атаманом, его фабрикующим. Истинные же Донские, Кубанские, Терские и другие казаки в новое „казачье сословие“ не пойдут.

Иду в „Национальный Союз Комбатантов“ за справками. Председатель Союза, ознакомившись с положением, вручает мне „устав“ своего Союза Комбатантов и, на основании статьи устава о секциях Союза, предлагает составить списки участников Великой войны с отметкой о ранениях, контузиях и полученных наградах, считая с 1914 года по ноябрь месяц 1918 года.

„В Париже, — говорю, генерал Богаевский дает карточки и тем, кто воевал только в гражданскую войну, нельзя ли и нам получить на них комбатантские карточки“?

„Нельзя, говорит Председатель Союза, считайте их у себя комбатантами, но в наш Национальный Союз Комбатантов записывать их не можете“.

Дальше я не настаивал и думаю, что такое деление каждому ясно и понятно.

Понимая точно слова из 2-го объявления А. П.: „Карточки для нашего Союза заказаны и одобрены Председателем Национального Союза Комбатантов. Они будут иметь значение как и все карточки Воинских объединений, признанных французскими властями“, видно, что эти карточки не будут иметь одинакового значения с выданными Национальным Союзом Комбатантов. И с ними общего ничего не имеют уже потому, что их могут получить не только участники Великой (Германской) войны, но и все участники гражданской войны, не говоря уже о разнице в ее стойкости.

В субботу 16-го апр. при „Союзе Вольн. Каз. Сепар. в г. Лионе“ произведены выборы правления „Секции Союза Комбатантов Казаков“, каковое и возьмет на себя заботы о получении казачьих комбатантских карточек. Для получения таковых требуются сведения о действительном пребывании в войсках с 1914 г. и по ноябрь 1918 года.

Казачья эмиграция.

На В. К. с'езд.

Приговор Смедеревского ст. сбора № 77.

17 апреля 1932 года, гор. Смедерево. Мы, нижеподписавшиеся казаки Смедеревской Казачьей станицы, собравшись сего числа на своем станичном собрании в числе 53 человек, в присутствии нашего станичного атамана Н. Л. Гнилозуба, обсудив вопрос о Вольно-казачьем с'езде и находя, что таковой с'езд необходим Казачеству, постановили: Отчислить из станичных сумм на упомянутый с'езд триста (300) динар и, кроме того, поручить станичному правлению произвести денежные сборы путем добровольных пожертвований через подписные листы.

Отчисленную сумму, а также собранные по подписным листам деньги станичному правлению хранить при станичном правлении впрямь до поездки представителя на упомянутый с'езд.

Копию настоящего приговора послать в редакцию „Вольное Казачество“, заявив о своей солидарности. Подлинный за надлежащими подписями.

С подлинным верно: Помощник станичного атамана А. Т. Столяров. Писарь Смедеревской станицы Д. Захаров.

Поступило: через инж. Б. Фесенка (из Варшавы) 37 к. чешских; от С. Савицкого (из Бразилии) 5 мильрейзу.

В.-к. доклад в Колумбеле (Франция).

Глубокоуважаемый г. редактор!

Не откажите в просьбе — поместить в журнале „ВК“ прилагаемый при этом отчет по поводу доклада, дважды прочитанного полковником Жуковым в г. Колумбель 2-го и 3-го сего апреля.

Доклад на тему: „В стране казаков“ — был написан под'есаулом Трофимовым; полк. же Жуков во время чтения лишь незначительно его дополнил, видоизменив в некоторых частях, с разрешения автора, и сопровождал его особыми беседами с казаками на ту же тему.

У казаков, работающих в окрестностях г. Кан (Кальвадос), давно уже чувствовалась потребность в точном определении своего настоящего политического положения и в выяснении тех возможностей, которые помогли бы нам, казакам, окончить скитальческую жизнь на чужбине и поскорее привели бы нас на родную землю, в родные нам Края. Уже об этом изболелась вся душа казачья, а просвета все как будто-бы и не видать.

Некоторые из нас с недавнего времени стали читать журнал „ВК“ и быстро поняли, что есть такой путь, такая дорога, которая прямо и верно может привести казаков домой — к новой, свободной и самостоятельной жизни; поэтому то эти казаки и стали без всяких сомнений под знамя В. К.

Большинство же не успело еще ознакомиться с вольно-казачьим движением: неуверенное в самом себе, за отсутствием надлежащей информации и руководства, оно колеблется, не зная, что же делать дальше, на что рассчитывать, куда идти. Но и это большинство также болеет душой за свою судьбу, за свое будущее; оно также крепко думает думу казачью и, как теперь выяснилось, думает одинаково с нами, вольными казаками.

Много у нас было разговоров на эту тему, но все как то не ладилось: не было уверенности, ясности.

И вот группа казаков решила, наконец, связаться с парижским вольно-казачьим центром и просить его прислать нам человека, который бы сделал доклад и растолковал нам некоторые вопросы, чтобы и другие казаки могли сами убедиться в справедливости того, о чем мы с ними говорили раньше, т. е. насчет В. К.

Получили из Парижа благоприятный ответ и стали ожидать полк. Жукова. Накануне же доклада, т. е. 1 апреля неожиданно для себя узнаем о прибытии в Кан Председателя Донского Правительства г. Мельникова. Это обстоятельство для многих показалось весьма подозрительным: дел у Мельникова никаких, а приглашать его сюда никто как будто-бы не приглашал. Потом уже выяснилось, что ген. Богаевскому была послана (еще не установлено — кем именно) телеграмма такого содержания: „Приезжает вольно-казачий докладчик. Как нам быть?“

Ясно было, что Мельников прилетел в Кан, чтобы сорвать доклад и помешать казакам узнать истинную правду о В. К.

Как только вечером приехал п. Жуков, ему сейчас же сообщили о появлении Мельникова; п. Жуков был удивлен и высказал предположение, что это — простое совпадение, не больше, т. к. наши „вожди“ вообще избегают появляться на казачьих собраниях, особенно там где есть вольные казаки; сказать что-нибудь хорошее они не могут, а в то же время рискуют окончательно подорвать свой „авторитет“, если казаки поставят им некоторые вопросы, а таких вопросов очень много.

— Впрочем, добавил п. Жуков, — пусть и Мельников послушает доклад, который, кстати, и начинается с упоминания о нем; это вольным казакам не может повредить. А вот если казаки, узнав суть дела, примутся за Мельникова, то ему придется куда хуже. Пусть-ка он попробует отвечать открыто и правдиво, как то делают вольные казаки.

На следующий день — в субботу — 2 апреля, к 10 ч. утра стали собираться казаки различных Войск. Когда собралось 48 человек (большинство людей находилось на работе), п. Жуков приступил к чтению доклада, обещая после доклада особо устроить собеседование и тогда же ответить на все вопросы.

Только что начался доклад, как в зал быстро вошел г. Мельников и сел на свободное место в заднем ряду. Некоторые казаки оглянулись, но остались спокойно сидеть на своих местах, внимательно слушая докладчика, который в этот именно момент и назвал фамилию Мельникова, как самого ярого ругателя и поносителя В. К.

Мельников ничего не возразил и доклад продолжался спокойно.

По мере того, как перед казаками развертывалась живая и яркая картина наших родимых Краев с их привольными реками и морями, со степью бескрайной и близкой нашему сердцу, настроение слушателей заметно приподымалось.

Видно было, что проснулась душа казака, по иному забилось сердце казачье... Казалось, что мы уже и не во Франции, а, как в сказке, быстро мчимся по родимым просторам. Вот уже перед нами золотистые нивы, волнуясь, раскинулись до самого горизонта; вот одна за другой, утопая в садах-виноградниках, мелькают станицы, города, хутора; слышится говор и шум страдной поры; чувствуются ароматы степей, слышится топот и ржание донских табунов. Величавая Волга и Терек бурливый, многоводная Кубань и Тихий Дон проходят перед нами во всей своей красоте.

Обозревая мысленно свои Края, казаки, быть мо-

жет, впервые узнавали точные данные о величине казачьей территории, о количестве ее населения, о тех несметных богатствах, которыми обладает Страна Казаков.

Раньше многим и в голову не приходило, что наши земли почти в 2 раза превышают Францию, что мы одной пшеницей засевали пространство, равное всей Чехословацкой республике, а дынями, да арбузами могли занять $\frac{1}{3}$ часть Бельгии.

Никто из нас не задумывался и над тем, что казаки Края ни в чем особенно не уступают другим странам, а в некоторых случаях занимают одно из первых мест, наряду с великими государствами.

Каждое слово докладчика казаки слушали с таким напряженным вниманием, застав дыхание, что в тишине можно было слышать полет мухи.

Когда же п. Жуков, перечислив все возражения противников В. К. и ответив на них кратко, перешел к выводам и стал говорить о том, что такое вольные казаки, какая у них цель и какие пути, тут многим стало ясно, что это и есть настоящий казачий путь, что только им мы и должны идти, если хотим жить свободной жизнью, если хотим спасти Казачество от гибели.

Нам глубоко запали в душу слова призыва: „Собирайтесь, казаки, во единый круг казачий! Все под славное Вольно-казачье знамя, чтобы грозной ратью стаять по границам родимой земли! Ни шагу вперед и ни шагу назад!! Довольно нам напрасно кручиниться, лить горькие слезы о безвозвратно ушедшем чудом, будем-ка лучше думать о близком, родном. Пусть плачут другие! А мы без слез смело будем строить свой дом... родимый, казачий наш дом, где бы каждый казак был сам себе атаман, где бы знание, школа стояли вперед, а манеж... манеж подождет! За Казакию — нашу Отчизну, за Казачество Вольное мы должны все отдать!“

При последних, заключительных словах доклада, обращенных к нашим Родимым Краям, у многих показались слезы на глазах, головы низко склонились на грудь. Докладчик умолк и наступила мертвая тишина. Так длилось несколько минут, пока п. Жуков снова не обратился к казакам, предлагая желяющим задавать вопросы, на которые обещал дать по возможности полные ответы во время собеседования после обеденного перерыва.

Первым поднялся г. Мельников, похвалил доклад, сказав, что многое из него казакам полезно узнать, но с выводами и положениями „В. К.“ не согласился, и затем, язвительным тоном, что сразу же казакам не понравилось, начал задавать докладчику один за другим вопросы, требуя немедленного ответа, т. к. он (Мельников), якобы, должен спешить к вечернему поезду. П. Жуков согласился на это и все казаки остались на своих местах, хотя многим давно следовало спешить на работу.

Первый вопрос Мельникова: „Почему вольные казаки берут во внимание только 6 казачьих Войск и ничего не говорят о сибирских каз. Войсках?“

— Потому, отвечает докладчик, что пространство, географические условия не позволяют удобно и прочно соединить в одно государство все казачьи Войска, отстоящие на тысячи километров друг от друга. Но это обстоятельство нисколько не говорит за то, что вольные казаки, как-бы совершенно утрачивают всякую связь со своими братьями-сибиряками. Нет. Морально мы остаемся едиными, и если представится случай, то всячески поможем сибирскому казачеству. При этом мы глубоко убеждены, что казачьи Войска Сибири также постараются объединиться и создать свои независимые государства на тех же основаниях, как и мы. Верим, что эти казачьи государства будут всегда друг друга братски поддерживать всеми доступными средствами.

Вольные казаки не занимаются фантазиями, а ставят себе задачи реально выполнимые. Фантазии, вроде единой, неделимой России со „свободным“ казачеством в ней, мы оставляем для других.

— Предупреждаю Вас, Николай Михайлович, заявляет далее п. Жуков, что терять время на казуистику я не хочу, а потому на всякие пустые вопросы отве-

чать не стану; на них неоднократно в печати Вам давались исчерпывающие ответы и если Вы снова повторяете их здесь, то это делается не искренно, а исключительно с целью при помощи словесных уловок и фальшивых положений ввести слушателей в заблуждение, сбить их с толку. Вы, ведь, имели достаточно возможностей выступить в Париже, отчего Вы там не являетесь на казачьи собрания и не задаете своих вопросов?

Второй вопрос Мельникова касался внутренней жизни руководящей группы В. К. Подчеркивая особенно выступление в газете „Возрождение“ генер. Быкадорова, Мельников пытался таким образом внушить казакам сомнение в прочности вольно-казачьего движения. Не ограничиваясь вопросами, отвлекаясь от темы доклада, он стал подробно излагать труды и заслуги свои и своих единомышленников в деле просвещения казаков за границей, но п. Жуков прервал его и сказал, что сегодня по приглашению казаков читает доклад он, Жуков, и права этого никому не уступал; если г. Мельникову угодно и если казаки того пожелают, то он, Мельников, может назначить свое время и говорить тогда о чем угодно и сколько угодно. Относительно же ген. Быкадорова докладчик ответил кратко, высказав свое предположение, что выступление ген. Быкадорова вряд ли можно считать вполне искренним: скорее всего это есть результат давления со стороны лиц, к которым он по нужде ныне попал в материальную зависимость, что, при непостоянстве его характера, легко могло случиться. За это самое непостоянство он и был своевременно удален из рядов В. К.

— Вы сами, Н. Мих., говорите, добавил докладчик, что ген. Быкадоров довольно продолжительное время очень нуждался, а теперь у него вдруг появилась ферма. Вы говорите маленькая ферма, а сам Быкадоров не так давно — в тот самый день, когда свидетельствовал о себе, как о 100%-ном вольном казаке, — говорил мне о коровах и молочной ферме. Тут картина складывается сама собой: сначала бедственное положение, нужда; затем визит ген. Миллеру и слезная просьба устроить ему аудиенцию у ген. Богаевского; потом сама аудиенция и предложение аннулировать им самим же написанную историю; после же всего — ферма, и не с курочками, цыплятками или зайчиками, а с молочными коровками. Как это все легко и просто, да еще во дни сурового кризиса и после продолжительной нужды. Вывод напрашивается сам собой.

Мельников защищает г. Быкадорова, требуя должного к нему отношения, как к георгиевскому кавалеру и доблестному генералу, на что докладчик отвечает, что боевых достоинств и генеральских качеств Быкадорова никто не касается, но что эти качества не могут служить гарантией чистоты и непорочности в отношении других сторон характера.

Мельников переходит к третьему вопросу и возбужденно требует от докладчика указать те способы, коими вольные казаки думают достичь своих целей, требует открыть те пути и те данные, которые позволяют им рассчитывать на помощь иностранных государств и т. д.

На это п. Жуков хладнокровно отвечает: „На поставленные только-что вопросы я не имею права отвечать, да если бы даже и имел право, то никогда бы не ответил. Кто же, идя на серьезное дело, открывает противнику наперед свои планы и секреты; какой же командир, начиная бой, предупреждает противника о тактическом приеме, который хочет в данную минуту применить. Нелепо! Думайте, что хотите, но на эти вопросы ответа не получите.“

Далее вопрос задает председатель Терского Обединения; он спрашивает: „Почему на карте Казаккии обозначена только часть Терского Войска, а не все оно целиком?“

— Для Терского Войска, отвечает докладчик, окончательной границы пока не установлено, в виду сложности и остроты взаимоотношений разнородного населения Терского Войска. Пока еще нет налицо всех заинтересованных в данном вопросе, поэтому практически его и нельзя сейчас разрешать; теоритические же выкладки, хотя и возможны, но не столь существенны

для дела. Границы Терского Войска окончательно будут определены уже на месте, когда возможно будет учитывать все данные обстановки. Вопрос разрешится нормальным и мирным путем всем населением края. Однако, терским казакам надлежит теперь же входить в состав Казаккии. Дальнейшее будет зависеть от нашей совместной работы и доброй воли самих терцев, ибо отказываться от терцев в. к. не намерены, да и самостоятельно разрешить такой вопрос для терцев крайне трудно. Это Вам и самому понятно“.

Ответом терцы удовлетворены и собеседование на этом заканчивается, т. к. некоторым надо спешить на работу.

Мельников подымается, чтобы покинуть собрание, но часть казаков задерживает его посреди залы. Разнообразные вопросы сыпятся один за другим. Казаки учиняют Мельникову форменный допрос, сыщатся на смешливые нотки, но увильнуть уже некуда: казаки настойчивы, а вопросов обойти молчанием нельзя. Завязалась новая беседа. Говорилось много. Наконец, один из присутствующих громко спрашивает:

— А скажите, господин Мельников, как же Вы думаете действовать и на что рассчитываете, как у Вас идет работа и что там для нас хорошего видно вперед?“

Все насторожились. Вопрос был очень интересен. Мельников, не задумываясь, быстро отвечает буквально следующее:

— Видите-ли, я лично, скажу откровенно, смотрю на вещи пессимистически. Впереди пока ничего хорошего не видно, так сказать, полная темнота. В этом отношении мы — банкроты. Единственное наше спасение — во внутреннем взрыве. Если весь русский народ, а с ним, конечно, и казачество восстанет там, в России, то тогда, может быть, мы и будем спасены. Иного выхода у нас нет. Вообще по этому поводу трудно сказать что либо определенное“.

Такое неожиданное признание Мельникова на казаков подействовало, как холодный душ, а его сторонники наверное после этого еще и в жар бросило.

П. Жуков, стоявший тут же, но не принимавший участия в разговоре, при этих словах протиснулся ближе к Мельникову и говорит ему:

— „Как же это так, Никол. Михайлович, Вы вот только что говорили о несостоятельности вольноказачьего движения, а сейчас заявляете о своем банкротстве; как это прикажете понять? И к чему же и куда Вы тогда зовете казаков, если у Вас впереди темно и нет ничего определенного, кроме более чем сомнительного восстания русского народа, да и то в неопределенном будущем. Вы же знаете, что русский народ в его целом на борьбу с большевиками не пошел, никогда не восставал и вряд ли восстанет теперь: не такова у него психология. Значит, Вы сложили свои крылышки и, вопреки здравому смыслу, ждете чуда, да еще и нас, казаков, зовете присоединиться к Вам? Нет, никогда! Мы, вольные казаки, в восстание русского народа не верим, а рассчитываем прежде всего только на самих себя. Мы не банкроты, нет! Мы глубоко верим в нашу победу, мы знаем и строго учитываем все возможности, выбирая из них те, которые ближе и вернее приводят к цели, к торжеству нашей идеи. Мы, подобно вам, не потеряли веры ни в себя, ни в казачество и мы смело приступаем к подготовке твердой почвы для самостоятельного Казачьего государства. Ради этой великой цели мы и зовем казаков под свое знамя. Зовем открыто, правдиво и честно.“

Непредвиденная беседа с Мельниковым приняла такой оборот, что и слепому стала ясной разница между политикой наших „вождей“ и политикой вольных казаков.

Большое спасибо Мельникову, что приехал к нам и хоть раз по счастливости сказал доброе слово. Без него бы многим было трудно разобраться в политике наших „верхов“, а теперь все стало яснее ясного.

Расходясь, казаки с оживлением толкуют о событиях дня. Это в первый раз за много лет они слушали доклад, призывавший их на борьбу за свои казачьи интересы, за свои права и вольности, за свой дом и счастье.

Сколько времени раньше набивали казачью голову

интересами русского народа, пугали казаков его могуществом и расправой, в случае неповиновения, убеждали служить ему верой и правдой; и призывали класть свои головушки за что угодно, только лишь не за свое родное, казачье.

На следующий день 3-го апреля п. Жуков повторил доклад при более многочисленном собрании, хотя некоторым все же не удалось его прослушать, т. к. в виду перехода смен на другие часы, по воскресеньям иногда приходится работать и по 16 часов подряд.

Доклад и на второй день прошел с таким же напряжением чувств и внимания слушателей.

Помимо казаков различных Войск, присутствовали представители украинцев и 3-4 человека русских. После доклада состоялось собеседование. На все вопросы докладчик давал обстоятельные ответы, останавливаясь подробнее на некоторых событиях из жизни и истории Казачества и поясняя их в простой и доступной форме.

Много вопросов задавал один из русских. Докладчик терпеливо на все отвечал, стараясь более направлять свои ответы и разъяснения в адрес казаков. Но когда этот назойливый субъект вздумал было укорять докладчика за выделение казаков из „общей массы эмиграции“, все казаки возмутились; поднялся ропот, перешедший в недвусмысленные угрозы, и говоривший быстро выскочил в отворенную дверь. Казаки успокоились и беседа мирно продолжалась.

Полк. Сальников спрашивает: „Признают ли вольные казаки Войсковых Атаманов и пойдут ли против большевиков, в случае борьбы с ними русской эмиграции?“

Ответ. — „В принципе вольные казаки Атаманскую власть признают, но не могут подчиниться тем Войсковым Атаманам, кои нарушают данную ими присягу, игнорируют основные законы и Конституцию и не желают считаться с общественным мнением казаков, осуществляя свою личную политику, свою собственную волю. Таковые Атаманы не могут уже почитаться, как Войсковые Атаманы, и претендовать на подчинение им казаков не имеют морального права.“

Бороться с большевиками вольные казаки, конечно, будут при всяком удобном случае, раз большевики угрожают или будут угрожать Казачеству; борьба будет вестись независимо от того, кто идет или пойдет против большевиков. Однако, связывать себя какими либо договорами с русскими, а тем более давать обязательства мы категорически отказываемся, ибо русский народ в лице своих правительств всех мастей никогда своих договоров и обязательств, данных Казачеству не выполнял и вряд ли изменит такую тактику в будущем. Не стоит терять напрасно время. Да и кто из русских вождей серьезно собирается идти против большевиков? Керенский, Деникин, Беседовский или Миллюков? Так они же определенно уже высказались, притом публично и в печати. Ведь все они сейчас фактически призывают русскую эмиграцию не к борьбе, а к содействию большевикам, к укреплению их мощи во внешнем мире. Чего же мы, казаки, можем от них ждать, как не предательства? У нас есть иные союзники — это все народы бывшей российской империи, которые, подобно нам, борются за свою независимость. Побороть большевиков — это еще не значит, что все дело сделано: надо еще и суметь прочно оградить себя от возможных насилий в будущем с чьей бы они стороны не исходили и как бы эти насильники не назывались.

П-к Сальников ответом был удовлетворен. Многие вопросы были несущественны и мало касались идей В. К., а потому я их в отчете опускаю.

По окончании беседы полк. Жуков поблагодарил собравшихся за теплое и внимательное к нему отношение и в заключение обратился к казакам с горячим призывом — поскорее пробудиться от спячки, взяться за дело изучения своей казачьей истории, готовить себя к сгровительству новой жизни, своего собственного государства; убеждал серьезнее относиться к вопросам политики, учиться и учиться, чтобы новая борьба не застала нас врасплох, как это случилось в 1917—20 г. г. Призывал еще докладчик особенно внимательно отнестись к идее В. К., усвоить ее, продумать, убедиться в

ее силе и правде и поскорее раз и навсегда стать под единственно для нас спасительное знамя В. К.

— Тогда, закончил докладчик свое слово, мы будем сильны и способны побороть любые препятствия и быстро достигнем намеченной цели — создания независимой Казакии, где каждый казак обретет, наконец, свое право, свою волю, свое счастье.“

Растроганные и взволнованные казаки стали по очереди подходить и благодарить докладчика за его живое казачье слово.

А один из подошедших громко сказал: „Я не казак, но у меня душа казачья, и то, что здесь было сказано, близко моему сердцу. Я от души благодарю Вас, господин полковник, и Ваших слов не забуду. Указанный Вами путь — есть верный путь; по нему и нужно идти нам всем.“

К. Лысенков.

В Новом Саду.

10 сего апреля Новый Сад посетили члены правления Белградской студенческой станицы: атаман П. С. Поляков, помощник П. М. Мерзлякин и представитель „ВК“ в Белграде Б. А. Кундюроков с намерением сделать ряд сообщений и поговорить с казаками о современном положении Казачества и о казачьих политических группировках особенно же о движении В. К.

Атаман Кубанской Ново-Садской станицы имени Кошовой Отамана Чепиги полк. П. Недбаевский заблаговременно оповестил об этом не только членов своей станицы, но вообще всех казаков в Н. Саду и его окрестностях.

Прибытие Белградских гостей было встречено таким радушием и таким любовным отношением со стороны казаков, что прибывшие были буквально растроганы и с самого начала создалась подлинная казачья атмосфера.

Но, как иногда бывает, несмотря на то, что атаман, полковник П. Недбаевский, достал разрешение на помещение и раньше имел устное разрешение от полиции, нашлись люди, и люди подлые, которым не хочется дать казaku послушать правдивого слова и которые, сделали донос. — Дежурный чиновник полиции в виду отсутствия на руках у полковника Недбаевского письменного разрешения, не мог, конечно, взять на себя ответственность, при наличии столь странного заявления.

Донос был подкреплен еще и тем, что приезжие распространяют „недозволенную литературу“ (книжка стихов П. С. Полякова „Иван и Феня“ и книга Б. А. Кундюрокова „Казак Гаморкин“ и издание полк. Кадушкина „Кобзарь“ — казачьи песни, положенные на ноты). Литература эта была представлена дежурному чиновнику и хоть он и увидел, что в ней, вполне дозволенной, ничего особенного нет, — все же собравшимся казакам было предложено разойтись.

Все было чрезвычайно возмущено, тем более, что на собрание пожаловало и правление станицы другой, существующей в Новом Саду, со своим атаманом полковником П. С. Есауловым. Собрались и женщины, пришли казаки и из окрестностей.

Поэтому поступок трусов, убоявшихся смелого казачьего слова, убоявшихся выйти на общественную арену, чтобы доказать свою правду, вдвойне заслужил презрения. Кто действует из-за угла, или пользуется лишь физической силой для доказательства своих доводов, тот не только не достоин имени казака, но и вообще человеческого имени.

Казаки лишней раз убедились, как относятся к ним их противники, стоит только им захотеть поговорить о своих делах.

Все же, все вышесказанное не помешало казакам собраться за ужином.

Первое слово сказал атаман Кубанской станицы полковник Недбаевский: Дорогие станичники и гости... По примеру всех наших таких ужинов, первую чару я поднимаю за Короля Югославянского Александра и братский Югославянский народ. Живно... Живно...

Казаки дружно подхватили: Живно, Живно... После чего, атаман в теплых выражениях приветствовал при-

Сидят слева направо: Казначей Кубанской Атамана Чилиги казачьей станицы подхор. И. Е. Устименко; помощ. атамана Белградской студенческой ст-цы студ. П. М. Мерзликин; атаман Куб. станицы полк. П. И. Недбаевский; атаман Бел. ст. стан. студ. П. С. Поляков; помощник атамана Кубан. станицы подхорунжий М. Н. Болгов; представитель журн. „В. К.“ студ. Б. А. Кундрюцков.

Стоят слева направо: вахмистр К. И. Островерхов, доверенный станицы; вахмистр М. И. Шатохин; доверенный станицы вахмистр А. Р. Пыль; доверенный станицы подхорунжий Г. Ф. Голобородько; писарь станицы казак Д. В. Бибер; доверенный станицы подхорунжий П. Ф. Попов; доверенный стан. подхорунжий Ф. А. Щедров.

бывшее правление студенческой станицы и благодарил его за то, что оно откликнулось на зов казаков и пришло к ним поделиться всем тем, что оно знает, за что борется и что отстаивает.

П. С. Поляков: Дорогие атаманы и казаки. В ответ на такую речь, я могу только сказать, что мое сердце и сердце казачьей молодежи бьется в унисон с вашими. Казачья молодежь была с вами на полях брани, казачья молодежь всегда отстаивала интересы казачьего народа, казачья молодежь и сейчас поднимается на призыв того набата, который звенит из Праги и звон которого несется по всему миру... От этой молодежи я привез вам сердечные пожелания как можно скорее объединиться в один крепкий казачий кулак и наметить ясный путь к скорейшему освобождению казачьих земель.

Затем Б. А. Кундрюцков вкратце обрисовал мировую конъюнктуру и рассказал о существующих сейчас за рубежом группировках, на которые разделились казаки.

Были подробно разобраны такие группировки, как легитимная, атаманская, миллеровская и остальные, затем говоривший сосредоточил внимание присутствовавших на движении Вольного Казачества.

Далее говорил атаман студенческой станицы П. С. Поляков на тему: Казачество: его прошлое, настоящее и будущее.

Обиды, насилия, несправедливости, чинимые казакам, особенно ярко выступили перед аудиторией, а сообщение многих фактов, неподлежащих никакому сомнению, так как говорилось все на основании исторических данных, произвело сильное впечатление.

Потом говорил П. М. Мерзликин — помощник атамана Белградских студентов. Он вкратце нарисовал основание Кубанского Казачьего Войска, его развитие, и, доведя до черноморской катастрофы, закончил: Жива еще казачья сила и пока живы мы, кубанские казаки, судьбы Кубани теперь в надежных, руках.

Полковник Есаулов, атаман Новосадской станицы,

старонник, видимо, широкой автономии или федерации. Говорил он около получаса.

— В результате мировой политики, Европа придет к мысли создания трех больших групп: латинской, славянской и германской. Идея создания малых государств теперь отбрасывается. Да если вы посмотрите, как трудно живется малым государствам, за плечами которых не стоит пятнадцатилетняя армия, каковую силу Россия представляла в прошлом, то вы поймете, что жизнь малых государств временная и поэтому к созданию их стремиться нечего. Обиды и недоразумения надо все забыть. Надо спасти тот большой дом, в котором нам всем придется жить... История это все ерунда... Мы живем настоящим моментом. Работа по спасению России ведется и будет доведена до конца...

Б. А. Кундрюцков: Первая часть вашего слова совершенно не верна. Вы говорите, что малым государствам жить тяжело. Посмотрите на страну безработных, кто она? — Америка... А не тяжело ли таким государствам, как Англия, Германия и т. д. Тяжело... Армии безработных растут везде и в малых и в больших государствах, причины кризиса совсем в другом. Тяжело жить потому, что СССР со своим населением вышла из мирового хозяйства, что она подрывает его и распространяет свою заразу. Только с уничтожением ее или сведением на минимум, возможно и улучшение вообще жизни Европы.

Вы говорите, что за казаками не будет большой русской армии, а сама Казакция может дать только корпус в 50.000 казаков. Толковать о возможностях не буду, так как есть целый ряд государств, которые имеют войск и меньше, но скажу: такой мощный тыл есть палка о двух концах, иногда он помогает, а иногда свои штыки направляет и в наши спины.

П. С. Поляков: Вы говорите, что история — ерунда, что надо все забыть. Но скажите, как казак забудет разорение Сечи, погром Петра, издевательство русских большевиков? Даже сегодняшний день, когда не позволили казакам говорить между собой — не показательный ли он, каждому казаку, здесь присутству-

ющему? И почему противники той идеологии, которую мы исследуем, так же смело, как и вы, не пришли говорить с нами, доказывая правоту своих убеждений, а позорно, прячась за углами, прибегли к доносам и к самой подлой, постыдной клевете на нас, казаков-патриотов, готовых отдать все на алтарь своей Родины?

Перейду на последнюю часть вашего слова. Вы говорите: работа ведется. Не верю. Не верю потому, что не вижу результатов этой работы. Потому что не знаю, кто ее ведет. Знаю только, что мы уже 12 лет в изгнании, что Кубанское Представительство лишилось и тех ничтожных денег, которые оно получало от Комиссии, знаю муки казака-зарубежника и муки казака — там... Работы этой нет. Она не может быть в том масштабе, который необходим для успеха. Ни одно государство не дало поддержки и помощи. Помогается из чувства человеколюбия и... только. На политическую же работу эмигранты собирают сами промеж себя по динару с носа...

Потом вы сказали, что наше дело ведут почему то калмыки (? Ред.), что гордость кубанца вам не позволяет стать с ними за одно или им подчиниться. Для меня прежде всего духовное образование и культурность являются исходной точкой, а не расовая принадлежность. Если в составе Казаккии кубанские казаки проявят более высокую культуру и научные достижения и будут элементом ведущим, то, поверьте, все менее сильные чем они, будут идти за ними. А относясь так к Калмыцкому народу, принятому Донским Войском, в котором многие калмыки занимали и руководящие посты, вы загрязняете и достоинство Донского Войска. Это не есть аргумент против Казаккии.

П. М. Мерзлякин: Отбрасывать историю совершенно — я считаю недопустимым. Что такое история? Это совокупность событий, имевших место; собрание фактов, изложенных в хронологическом порядке и связанных или освещенных какой-нибудь идеей. Русская история преследовала свои цели, искажая правду; мы же, пользуясь объективными источниками, показываем казакам истину.

Старый казак кубанец Андрей Федосевич Колесников: Вот вы, г. полковник, сказали о большом доме, который надо спастись. А не спросили меня, хочу ли я жить в большом доме. А я вот в нем и не хочу жить вовсе. Построю я себе рядом с ним маленькую хату, залезу в нее и буду себе потихоньку жить, да поживать...

Разошлись все поздно ночью. Ряды Вольного Казачества пополнились.

По дороге на вокзал гости были приглашены казакками в ресторан Солун, откуда в 2 часа 15 минут и отбыли в Белград.

Некоторые приятные минуты хочется отметить особо: казачки сделали торт, который и был подан на стол, с надписью сахаром:

„Вольное Казачество“. Жертвенность казаков при покупке книг казачьих писателей и поэтов, оплата поезда, фотографий и т. д. была особенно приятной.

Атаман Поляков благодарил дорогих казачек и казаков, а атаман станицы полк. Недбаевский показал всем казаккам пример как надо любить казачью молодежь.

Его слова: „яйца курицу не учат — это верно, но курица всегда ходит за цыплятами“ пусть заставят задуматься многих из казаков, юношей, не идущих в ногу с казачьей массой. Поступая так, они могут себя сами довести до того, что ни они казакам, ни казаки для них будут не нужны. И чем скорее этот вопрос будет решен — тем лучше.

Казачий путь ясен и Казачество одержит последнюю свою победу. Раньше деды говорили:

Слава казачья — да жизнь собачья.

А теперь скажут:

Слава казачья и... жизнь казачья.

Мир и покой Тебе, наша великая страна — Казаккиа.

(Соб. кор.).

В Париже.

(На докладе инж. М. М. Еремьева).

(Окончание).

— А. Т. Жуков, дополнив некоторыми данными ответ докладчика Еронину, подчеркнул то место доклада, где особенно ярко были обрисованы отношения Западной Европы к Казачеству в прошлом. Из только что цитированных документов явствует, — говорит п. Жуков, — как неосновательно утверждение наших противников, что у казаков нет союзников. Как в настоящем, так и в прошлом мы, казаки, находили солидных и достойных союзников, стремившихся и ныне стремящихся всячески помочь Казачеству. В прошлом этому стремлению, как вы только что убедились, много мешали роковые случайности и, главным образом, закулисная политика русского правительства.

Докладчик, опираясь на документальные данные, поведал нам — к каким нехорошим способам и даже к явному надувательству прибегало всеильное правительство России, чтобы убедить иностранцев, хотя бы и задним числом, в мнимом единстве российской державы, отрицая существование у других народов, ее населявших, каких бы то ни было национально-правовых особенностей, даже языковых. Этнический термин — русский путем искусной подтасовки преподносился как термин политический, покрывая, таким образом, имена всех других народов. Много энергии и много рублей понадобилось на это гнусное дело, но оно было сделано. Иностранцы, под влиянием искусной агитации, в конце-концов, постепенно освоились с навязанной им ложной мыслью.

Так поступают в настоящее время большевики, убеждая иностранцев в благоденствии СССР-ии и доказывая, что восстающее иногда население окраин СССР, не есть доведенные до крайней степени национального унижения и хозяйственного разорения народы, а просто — бандитские шайки грабителей. И Европа верит; если и с натяжкой, то все же верит. Ведь убедиться в действительном положении вещей очень и очень трудно.

Однако, с прекращением заграничной инсинуации (казаки — воры, разбойники, дикари и т. д.) прежнего правительства России, вернее, с его устранением с политической арены, в самый короткий срок резко изменится взгляд и отношение западной Европы к отдельным народам б. Российской империи. К ним снова пробуждается интерес. Возрождаются одно за другим те учреждения, ассоциации и даже официальные отделы при правительствах, ставящие своей первейшей задачей — изучение истории, политического и социального бытия этих народов, стараясь снова поскорее установить с ними утраченную связь, тесное интеллектуальное и экономическое общение.

Докладчик коснулся только лишь Франции, и то мы видим целый ворох важных для нас данных по затрогнутому вопросу. А что же получится в действительности, если хорошенько порыгаться в государственных архивах других стран?

Положения докладчика, — продолжает Жуков, — неоспоримо подтверждают то, что Европа, относясь в высшей степени благожелательно к Казачеству, всюду косо смотрела и смотрит на агрессивную политику правительства России, независимо от их окраски, ибо все они в основах своей политики были и будут вполне солидарны. Потому-то как раньше, так и теперь государства Европы по вполне понятным причинам недоверчивы и, если хотите, враждебно настроены к России и, уж во всяком случае, совершенно не заинтересованы в возрождении единой, неделимой и сильной России.

Это, наконец, хорошо понято самими вождями русской эмиграции. Ген. Миллер в своем слове в день годовщины 1-го Куб. похода прямо заявил, что у единой-неделимой союзников нет. Вот его подлинное слово: „Друзей, которые из сочувствия (разбивка газеты) к нам, русской эмиграции, т. е. представителям национальной России, стали бы помогать в нашей борьбе с советской властью, у нас нет (курсив газеты „Возр.“, от 11. III. 1932).

А „главковерх“ Керенский так же публично на своем докладе сказал следующее: „Если бы я знал, что существует иностранная держава, которая готова сбросить диктатуру, губящую мой народ, я бы на коленях пошел просить ее спасти мой народ от его поработителей, ибо, повторяю, нигде интересы советской власти с интересами России не сходятся и не сойдутся“.

Добавлю, — говорит п. Жуков, что с интересами России не сходятся и никогда не сойдутся также и интересы всех великих держав. Вывод напрашивается сам собой, а именно: политическая ситуация во всем мире постепенно, решительно изменяется в нашу пользу; у нас были, есть и всегда будут союзники, а вот у „единой, неделимой“ их нет и не будет. Поэтому в данном вопросе сомнений быть не может. Мы, вольные казаки, безбоязненно, твердо и неуклонно будем следовать к намеченной цели своей прямой путем-дорогой. Нашу независимость и волю мы возьмем своими же руками, а Всевышний Бог и народы Европы в этом нашем святом деле несомненно нам помогут.

— А. М. Огиенко выражает свое глубокое удовлетворение по поводу выслушанного доклада, а затем высказывает свою твердую уверенность, что у нас, самостийников, союзники должны быть и есть. Он указывает на тщетность попыток создания Великой России. Оратор не хочет разбирать внутренние причины, приведшие к падению России, но внешние причины этого падения для него ясны. Это — желание больших и малых народов мира умерить великодержавный аппетит России, сделать невозможным укрепление и развитие этого великодержавия. Государства в этом направлении работали и работа эта завершилась успехом. Говорят, что в осуществлении этой общей для всех государств цели английский посол в России, сэр Бьюкенен, не мало постарался в возникновении русской революции. А Лойд-Джордж так прямо заявил, когда в России совершилась революция, что теперь одна победа уже достигнута — Россия бита.

Для Великой России не было союзников и раньше, нег их и теперь, ибо она своим величием нарушала европейское равновесие. А для создания этого равновесия необходимо создание малых государств на Востоке Европы, связав их экономическими, торговыми и политическими договорами. Это являлось и мыслью покойного Бриана.

Я слышал от некоторых казаков такие, например, слова: раз так, раз нельзя спасти Великую Россию, то спасать Казачество и совсем не нужно. Оратор верит, что таких казаков он больше не встретит. Заканчивая свое слово, он спрашивает: какой-же путь для нас, казаков? Есть единственный путь: это — путь В. К., создание единого независимого казачьего государства — Казакии.

— Казанков упрекает некоторых, что они легкомысленно отнеслись к „письму“ Быкадоровова, а между тем оно является жестом отчаяния человека, свидетельствующем о моральном разложении некоторых казачьих „вождей“. По одному только этому мы обязаны разобраться в содержании этого „человеческого документа“. „Письмо“ начинается с абсурда, говоря, что С'езд В. К. проектируется для избрания нового Донского Атамана и что это, мол, недопустимо, ибо Богаевский избран представителями всего казачьего населения и „за отсутствием таковых (представителей, членов Круга) не может быть переизбран“. Что и говорить, это верно. Если бы теперь Мельников вдруг вздумал бы созвать Круг, то он должен был бы умереть, чтобы с того света пригласить умерших членов Круга. Это — серьезная причина! Но когда можно было созвать Круг, когда еще живы были его члены, когда была и Донская казна, тогда никто не думал созывать Круг. Дальше оратор по пунктам разбирает все „письмо“, подходит к нему „с аналитической точки зрения“ и показывает его полную несостоятельность. Заканчивает свое слово Казанков указанием на то, что „необходимо создать нам бескорыстный казачий орден, свои ударные отряды“...

— Безуглый кратко возражает Еронину, утверждающему, что между казаками и русскими нет раз-

ницы. В подтверждение своего возражения цитирует Герцена.

— Председатель ОРК А. Л. Лысенков. Нас упрекают в том, что мы, самостийники, переворачиваем историю для того, чтобы доказать, что мы имеем право на самоопределение, на самостоятельную государственную жизнь. По моему упрек этот неуместен. Я считаю, что нам нет никакой надобности искажать историю и доказывать перед кем-то, что мы — особый народ, имеем право на самостоятельность. Ведь только на днях проф. Сватиков на собрании в Париже говорил, что для того, чтобы претендовать на государственную независимость, совершенно не нужно быть особым народом, иметь исторические прецеденты, а важен психологический фактор, т. е. желание, воля населения, живущего на данной территории. А раз так, то зачем будем мы искажать историю? К тому же, наша правдивая казачья история как раз говорит в нашу пользу, мы только восстанавливаем свою историю, искаженную другими. Но, помимо всякой истории, существенно и важно, что мы этого хотим, прежде всего воля казака. Нам говорят, что надо жить только согласно истории, но ведь кроме истории есть инстинкт самосохранения. И этот инстинкт заставил нас бороться в 1917-20 годах с большевиками. Когда большевики пошли на нас, что тогда сделали казаки? Справлялись ли они в истории — можно ли, мол, защищать свой угол? Нет же, они не стали справляться в истории, а взяли вилы и пошли защищать свою свободу, свой Край родной от чужеземных завоевателей.

Русская история отказывает нам, казакам, именовать себя народом. Так что же прикажете делать? Значит, нам нужно умереть? Нет, мы умирать не собираемся, будем защищать свою независимость от всякого посягательства на нее, откуда бы она ни исходила...

— Еронин снова повторяет, что самостийники искажают историю и т. д.

— Ген. Тарарин произносит благодушную речь, в которой говорит, что нам особенно спорить между собой не следует, ибо он из своих посещений всех казачьих собраний вынес один определенный вывод: все мы любим свой Край, родное нам Каз-во. По мнению оратора, если каким нибудь чудом восстановилась бы Россия, то казаки наверно не особенно стали бы ломать копья за самостийность. С другой стороны, если создается Казакия, то, конечно, все казаки с радостью ее воспримут, будет радоваться и оратор. По его мнению, тогда придут к Казакии не только все казаки, но и г. г. Миллеры, Милюковы, Керенские (голос с места: мы их не пустим!). Оратор выражает сожаление, что в казачьей эмиграции нет человека, вокруг которого могли бы объединиться все казаки.

— И. А. Скобелин, Е. М. Якименко и Ш. Н. Балинов отвечают Еронину и Тарарину.

Затем Атаман станицы А. Н. Трофимов произносит краткое заключительное слово и закрывает собрание. Соб. кор.

От ред. Самый доклад инж. Еремиева будет напечатан в след. номере.

В Братиславе.

27 марта с. г. Братиславу посетил, (по просьбе правления Братиславского В. К. хутора) редактор журнала ВК И. А. Бильный.

На сборе братиславского В. К. хутора имени Юрия Гончарова, Игнатий Архипович сделал доклад об общей ситуации перспективах ВК движения и о ВК с'езде...

Оптимизм, Игнатия Архиповича вселял еще большую бодрость и энергию в ряды братиславских вольных казаков, которые, устами своего старейшего члена Фомы Ермилевича Булаткина (63 г.) обещались быть верными до конца делу освобождения Казачьих Земель от чужого ига и создания независимой Казакии (не стесняясь в средствах и в мерах карания предателей и изменников В. К. движения).

Из Братиславы И. А. Бильный смог выбраться лишь вечером 28 марта, после прощальной трапезы с хуто-

рянами на вокзале, напутствуемый пожеланиями здоровья и успеха в работе, заверениями в дружной моральной и материальной поддержке всех вольных казаков и криками: Да здравствует Казакия!

Да здравствует Вольное Казачество!
И. Б-ко (Гнат Большой).

В Париже.

Доклад А. Н. Трофимова.

17 сего апреля в Париже атаман Донской станицы А. Н. Трофимов прочитал свой доклад „Страна казаков“. Доклад этот произвел на казаков большое впечатление. Было много и не вольных казаков. Никто не возразил.

Отчет об этом собрании нашего корреспондента будет помещен в следующем номере.

24 апреля А. Н. Трофимов читает свой доклад в Лионе, а позже вероятно прочтет и в Монтаржи.

— Самый доклад будет потом напечатан в „В. К.“

В Смедереве.

Доклад Б. А. Кундрюцкова.

17 сего апреля состоялся станичный сход Смедеревской станицы, на котором наш представитель в Белграде Б. А. Кундрюцков сделал сообщение о современном положении и казачьих группировках.

После доклада и последовавших после него прений, станица явно стала на вольно-казачий путь, положив одновременно основание и фонду ВК с'езда.

Подробный отчет нашего корреспондента будет помещен в следующем номере.

В Южине.

Доклад А. К. Ленинова.

10 сего апреля в Южине наш представитель в Лионе А. К. Ленинов прочитал доклад на тему: „На путях к казачьему государству Казакия“.

Отчет нашего корреспондента о самом докладе, имевшем несомненный успех у аудитории, и прениях по нем, будет помещен в следующем номере.

В Белграде.

Открытое собрание Студенческой станицы.

В субботу 16 апреля в Белграде, в ресторане „Велики Грантовац“ состоялось собрание Студенческой станицы, на котором с докладами выступили студенты: И. М. Фастунов на тему: „Космополитизм и шовинизм“, и К. Н. Поликарпов на тему: „Петр I и казаки“.

Подробный реферат нашего корреспондента будет помещен в следующем номере.

В Софии.

7-го марта 1932 года при Софийском университете выдержал экзамен и получил диплом доктора медицины казак В. В. Д., ст. Островской, Усть-Медведицкого Округа, Андрей Иванович Алаторцев.

Прибавился еще один молодой культурный работник для будущей Казакии.

(Соб. кор.)

Письмо в редакцию.

Многоуважаемый г-н Редактор!

Прошу Вас, не откажите в любезности напечатать в редактируемом Вами журнале „В. К.“, что я не нахожу далее возможным состоять членом „Союза Кубанских писателей и журналистов“ по причинам, указанным в № 101-м нашего журнала, и со дня напечатания сего заявления ухожу из состава названного Союза.

Примите мое искреннее уверение в совершенном к Вам уважении.

Александр Пивень.

21/IV-1932 г. Югославия.

Русские по русскому и по казачьему вопросам.

(Новые веяния среди русских по казачьему вопросу).

12-го марта с. г. в Париже — на собрании Общества „Петроградское Землячество“ состоялись прения по поводу выступлений Милокова и Керенского, а затем предполагался доклад на тему: „О казачьем сепаратизме“.

Хотя это общество возникло не так давно и мало известно широкой публике, все же посещаемость его собраний довольно велика; объясняется это, с одной стороны, умением его руководителей подбирать для своих докладов и сообщений интересные темы из современной жизни, а с другой стороны и, пожалуй, — это самое главное, тем, что при освещении затронутых вопросов все излагается более или менее объективно. Это и привлекает публику.

На этот раз пришли и казаки послушать о том, как понимают и представляют себе казачий сепаратизм русские.

После всушительного слова председателя О-ва, присяжи. пов. Иванова, первым говорит проф. Горюнов, который в яркой, насыщенной образами и фактами речи показал всю несостоятельность политики и Милокова, и Керенского по „Дальне-Восточному“ вопросу.

По мнению проф. Горюнова, говорившего долго и с большим воодушевлением, чтобы сдвинуть российский воз с места, необходимо устранить нынешних руководителей внешней и внутренней политики, как в самой России, так и здесь в эмиграции.

— „Шофферов надо переменить!“ — восклицает оратор.

В восстание русского народа проф. Горюнов совершенно не верит и считает, что „спасти Россию может только иностранная помощь... О русском народе нечего говорить...“

Часто, особенно в вопросах политики, в силу причин психологического характера, люди склонны реальными фактами и возможностями заменять своими собственными пожеланиями, дурными или хорошими — все равно, и уже на этом ложном фундаменте начинают строить не менее ложные выводы. Проф. Горюнов энергично восстает против такого способа суждений и говорит, что при решении вопросов, связанных с будущим русского народа, никогда нельзя, напр., брать представляемую нами великую единую неделимую Россию, как нечто абсолютное, уже нам данное. Это, ведь, только возможный, быть может желательный для нас идеал, но, отнюдь, не обязательный и реально данный факт: таковой России, какой мы ее желали бы видеть, в действительности может и не быть, что несколько не противоречит закономерности исторических событий, а скорее подтверждает их. Пали же такие могущественные империи, как Вавилон, Египет, Византия, Рим и никогда уже после не возродились, по крайней мере в той форме и границах, как этого хотелось бы их народам. Возможно, что развалившиеся на наших глазах империи в этом отношении явят собой исключение из общего правила, но это все же не дает нам права принимать свои вождения за некий догмат.

Нет ничего невероятного в том, что на месте российской империи образуется целый ряд новых государств. Здравомыслящий политик не станет этого бояться и постарается из создавшегося положения вывернуть для своего народа максимум полезного. Нельзя побороть жизни. И неразумно пытаться негодными средствами двигать колесо истории вспять.

Поэтому, утрата территории, тем более частичная, если это приносит освобождение или даже только об-

легчение народу русскому, никак не может почитаться вредной ни с точки зрения морали, ни с точки зрения здоровых государственных инстинктов: народ ценнее клочка земли.

Вот, вкратце, некоторые мысли проф. Горюхова.

Выступавший затем г. Правиков, вполне соглашаясь с доводами проф. Горюхова, примерами из жизни лишь уточняет некоторые его мысли.

— Что, если бы, говорит он, среди русских крестьян, находящихся ныне в составе Польской республики, устроить плебисцит и предложить им во имя величия русского государства, его территориальной целостности, во имя национального единства русского народа слиться с ним, отдав себя в распоряжение нынешней московской власти? Думаю, что от этого предложения крестьяне отказались бы категорически..“

Противобольшевизмскую борьбу погубил „гипноз“ вождей-единонравцев, ставивших централизм, идею нераздельности Российской империи превыше всего. Вы подумайте только — к каким плачевным результатам привел категорический отказ генер. Юденича от признания факта самоопределения балтийских государств; обозначившуюся победу над большевиками он проиграл, а политического положения прибалтики своим упорством нисколько не изменил. А генер. Деникин, — тот воевал со всеми: с Доном, Кубанью, Грузией, Украиной... Иллюзии затуманили головы вождей белого движения и они потеряли под собой почву, всякое представление о действительности. К чему это все привело — мы теперь видим ясно“.

В дальнейшем никто по данному вопросу выступать не пожелал и прения на этом прекратились.

После короткого перерыва все приготовились слушать доклад о казачьем сепаратизме.

С первых же слов председательствующий на собрании г. Иванов категорически осудил злостное выступление газеты „Возрождение“ в адрес казаков сепаратистов, заявив, что утверждения корреспондента газеты о настроениях аудитории во время доклада Харламова далеки от истины, а самый тон статьи не допускает даже мысли о сколько-нибудь здоровом обсуждении „Возрождением“ столь интересующего нас вопроса.

— Не будем, говорит председатель, столь злобны и опрометчивы и постараемся лучше хорошенько узнать фактическую сторону дела, дабы избежать непоправимых ошибок. При доброжелательном отношении только и возможно взаимное понимание, а отсюда и правильный взгляд на вещи.

К сожалению, в нашем землячестве не нашлось человека хорошо осведомленного в вопросах казачьей жизни, который бы мог сделать нам обстоятельный доклад. Я буду просить, и, надеюсь, мне не откажут в этом, чтобы кто либо из присутствующих здесь казаков в дружеской беседе, хотя бы в общих чертах, поделился с нами своими мыслями о казачьем сепаратизме“.

На это приглашение председателя первоначально никто не отозвался, хотя среди казаков находились и видные представители казачества, как генер. Хорошкин (уралец), генер. Тарарин (донец) и др.

Тогда выступил полк. Жуков и заявил, что предлагаемая тема более серьезная и более обширная, чем то некоторым кажется, а потому нельзя так легкомысленно к ней относиться: кто же без предварительной подготовки, не имея сейчас под рукой надлежащих документов, может дать слушателям в соответствующем изложении убедительный доклад по столь обширному и важному вопросу.

Однако, председатель собрания убедительно просит все же п. Жукова взять на себя смелость и, не стесняясь ни формой изложения, ни отсутствием документов, а также не вдаваясь особенно в детали, высказаться по существу вопроса; причем заранее предупредил, что присутствующие, как и он сам, отлично понимают всю трудность экспромптного выступления перед незнакомой аудиторией, а потому будут не слишком требовательны и каждое слово выслушают с благодарностью и должным вниманием.

Начав говорить несколько неуверенно, п. Жуков

быстро овладел собой и вниманием слушателей. Речь стала ровной, а развитие мысли ясным и последовательным

Вкратце ход мыслей в речи п. Ж. можно изобразить так:

— Всякая официальная история, в особенности же русская, грешит пристрастием; искать в ней правдивого освещения не только отдаленных, но даже и более близких к нам событий — не приходится. Для этой цели необходимо прибегать к архивам, подлинным документам и свидетельствам иностранных историков и летописцев.

Если русские историки для начала Руси произвольно брали такой факт (?) как воцарение норвежских князей в Новгороде, то о начале и происхождении казачества они задумывались еще менее того, объясняя все коротко и просто: беглые московские крестьяне, провинившиеся холопы и всякий непотребный сброд. Нелепость такого утверждения очевидна; ведь, казачество существовало ранее того, как на Руси появились крестьяне и холопы, более того, — оно существовало ранее самого Суздальского княжества, этого прародителя царства Московского. В подтверждение сказанного следует ряд исторических справок.

Далее общими штрихами рисуется вся древнейшая история казачества, его быт, уклад жизни и политическое устройство, а также описываются взаимоотношения Московского царства и казачества; изображается эпоха самостоятельного существования Дона, Запорожья, Терека и Яика, их покорение Москвой, а в некоторых случаях полное уничтожение не только в политическом, но отчасти и в физическом отношении; затем всесторонне излагается служба и положение к-ва уже в составе Российской империи вплоть до революции 1917 года; подчеркивается стремление всех правительств центральной власти к низведению К-ва на роль служилого (за свой счет) сословия и отнятие у него всех политических, экономических и просто человеческих прав.

Дав понять слушателям, что такое казачество, какова его история и судьба до недавнего прошлого, п. Ж. перешел к самой сути заданной ему темы.

— Идея казачьей самостоятельности, говорит он, не является чем то новым, как то по незнанию некоторые думают; она уходит своими корнями в отдаленное прошлое, когда казачество существовало независимо. Эта идея всегда жила в казачьем самосознании прочно и никакие невзгоды и старания российских правительств не могли ее вытравить.

Как только после революции явилась благоприятная обстановка, сейчас же К-во выявило, ранее в нем заложенные, здоровые государственные инстинкты создав в первую очередь самостоятельные республики Дона и Кубани.

Каз-во, т. обр., после 200 летнего перерыва лишь возобновило старые формы правления, свою государственную жизнь, насильственно нарушенную Москвой.

Казачьим государствам не суждено было прочно стать на ноги, закрепиться и закончить свое устройство опять-таки по причине насильственного вторжения в дела казачьи командования Добровольческой армии, которое продолжало имперскую политику по старым методам.

Правда, в первый период напряженной борьбы с большевиками, когда казачество освобождало родные Края, тогда для посторонних наблюдателей тенденции казачьего сепаратизма не так ярко бросались в глаза, да и интересы казачества еще не столкнулись в должной мере с поползновениями Добровольческого командования, чувствовавшего себя на казачьей территории еще довольно слабым.

Желание же казаков помочь в беде русскому народу оказалось напрасным: он, вольно или невольно, но стал на сторону большевиков. Казачество оказалось между двух огней: с одной стороны полчища русских солдат, предводимые красными, а с другой стороны — русское же белое командование, глубоко внедрившееся в тело казачества.

Следует целый ряд убедительных и ярких примеров из взаимоотношений Каз-ва и Добровольческой армии.

Чем более Деникин проявлял упорства в деле удушения казачьей самодеятельности, тем более озлобились казаки, противопоставляя ему свое упорство в отстаивании своих интересов, пока дело не дошло до полного разрыва и взаимной ненависти.

После убийства председателя Рады Рябовола, после казни члена Рады — Кулабухова, казаки окончательно убедились, что государственное сожительство, тем более под одной крышей, ни с каким русским правительством немислимо.

— Что же оставалось делать, спрашивает докладчик, продолжать борьбу во имя торжества Деникина, который приступил уже к уничтожению лучших сынов Казачества во имя „интересов будущей России?“ Казачество решило этот вопрос отрицательно и звезда Деникина померкла навсегда. Уделом его был Новоросийск.

Все это вместе взятое, а также несправедливая, насильническая политика русских правительств в прежние времена и жестокая расправа теперешней Московской власти, недвусмысленные намеки эмигрантских „вождей“ на незавидную долю каза-ва в будущей, возрожденной России — все это не могло не укрепить в Казачестве даже в его части благожелательно настроенной к идее единой России мысль, что для него — Казачества — единственным спасительным выходом является полное и окончательное отделение от России. Ныне казаки открыто и твердо становятся на защиту своих исконных прав на самостоятельное, ни от кого независимое государственное бытие.

Идеологическая сторона казачьего вопроса в достаточной степени разработана и изложена в общедоступной форме на страницах журнала „В.К.“, который и русским людям надлежало бы читать внимательно, дабы в будущем не повторять грубых ошибок, вследствие плохого знания своей родной истории и полного незнакомства с историей отдельных народов, некогда входивших в состав Российской Империи.

— Конечно, добавил п. Жуков, наше более чем двухсотлетнее вынужденное пребывание в составе России не могло пройти бесследно, не отразившись на казачьей психологии. Политическое давление было слишком сильно, а меры воздействия при насильственной руссификации, были столь суровы, что результаты этой

общеемперской нивеллировки заметно сказались и особенно среди казачьей интеллигенции и правящих верхов. Часть казаков, вынужденная учиться вне своих краев, выросла и воспитывалась на протяжении нескольких поколений вдали от казачьей среды, а потому и усвоила чуждые взгляды, на казачью государственность, приобретя навыки, совершенно несогласные со старыми традициями свободолюбивого казачества. Это: настроение и взгляды, передавались потом и в массу казачества, но укорениться в ней прочно не могли. Есть достаточно и таких казаков, кои всецело находятся под гипнозом тех самых иллюзий, о которых здесь до меня так хорошо говорил г. Правиков. Это и есть наши казаки единоеделимцы. Но они пусть говорят сами за себя“.

Накопец п. Ж. остановился на ложно приписываемой Вольному Казачеству особенной вражде и злобе по отношению к русскому народу, что не соответствует истине. Эта мысль была пояснена подробно.

В заключение п. Ж. выразил искреннюю благодарность „Петроградскому Землячеству“, в лице его председателя за внимательное и беспристрастное отношение к казакам и к их политическим убеждениям, добавив, что подобного рода собеседования на почве взаимного доверия и уважения только и могут дать хорошие плоды, способствуя выработке верных выводов. Злопыхательство и умышленное извращение чьих бы то ни было политических воззрений ничему хорошему, кроме излишней розни и раздора, служить не может“.

Аудитория наградила случайного докладчика дружными и долгими аплодисментами.

П. Жуков говорил около двух часов, дав слушателям в сжатой форме историю Казачества и обрисовав те основы на которых покоится вольно-казачье движение.

Это первый случай, по крайней мере в Париже, когда русские люди и казаки-самостийники нашли возможным говорить на столь острую политическую тему спокойно, без взаимных оскорблений, и даже без недоброжелательства. Это делает большую честь „Петроградскому Землячеству“, умеющему подойти к каждому вопросу серьезно, здраво и с большим тактом...

(Соб. кор.)

В К а з а к и и.

По советским газетам.

Боевым вопросом советских газет Ростова и Краснодара за апрель является вопрос весеннего сева.

В „М.“ от 2 апреля „Земля заговорила“: „Земля требует: дайте семян сегодня же! Земля требует: очистите меня от сорняков! Земля требует — покажите ударные нормы выработки, т. к. сев должен быть коротким! Земля требует — каждый работающий колхозник знай, на какую глубину пахать, заделывать семена! Земля требует...“ — Игак, и земля наша не выдержала уже оккупационно-коммунистических экспериментов и заговорила! Несчастливая земля!

4 апреля тот же „М.“ приказывает: „Районам Кубани — самый жесткий срок сева. Не допускать разрыва между пахотой и севом!“ — Значит, разрыв есть.

Как у „них“ в промышленности? — 5 апреля в Краснодарском „К. З.“ читаем: „Машиностроительный завод им. Седина находится в плену громадных прорывов... Выпуск камнедробилок прекращен... Лебедки и свайные молоты задержаны изготовлением... Неблагополучно с качеством...“

В „М.“ 10 апреля: „Южные районы безобразно за-

тянули сев колосовых. Это ставит под удар своевременный посев подсолнуха и кукурузы“...

10 апреля в „К. З.“: „Преступно медлят с посевом ячменя“... „Темпы слабы!“

11 апреля в „М.“: „Совхозы медленно набирают темпы“. „Еще мало совхозов вступило в сев“. „Констатировать... что сев в Краснодарском, Славянском, Темрюкском, Крымском и Кропоткинском (Кавказском?) районах, несмотря на имеющиеся у них все возможности, идет явно неудовлетворительно и эти районы не выполнили плана сева колосовых культур в установленные краем сроки“.

11 апреля „К. З.“: „Драться за ежедневное нарастание темпов!“ „Язык станков обвиняет в бесхозяйственности“. — И станки уже заговорили!

12 апреля „М.“ спрашивает: „Почему стоят трактора?“

14 апреля в „М.“: „Мало запахано, засеяно еще меньше!“ — Майкопский, Лабинский, Невномысский, Белореченский, Георгиевский, Моздокский, Минераловодский и Ейский районы объявлены „кандидатами на черную доску“, т. к. „эти районы топчутся на месте в севе колосовых“...

Открыта подписка на 1932 год
 на иллюстрированный журнал литературный и политический
„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО — ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО“
 выходит 10 и 25 числа каждого месяца.

Условия подписки:	на 6 мес.:	на год:	цена отдельного номера:
В Чехословакии	40 кч.	80 кч.	5 кч.
Во Франции	40 фр.	70 фр.	4 фр.
В Югославии	60 дин.	100 дин.	6 дин.
В Болгарии	100 лева	200 лева	10 лева
В Румынии	200 лей	300 лей	20 лей
В Польше	10 зл.	20 зл.	1 зл.
В Германии	5 мк.	10 мк.	0.50 м.
В С. Америке и др. странах	2 долл.	3 долл.	0.20 долл.

Отдельные комплекты за 1930 и 1931 годы продаются: в Ч. С. Р. по 100 к. ч.
 за год, а за границу — по 4 ам. доллара.

Подписную плату посылать по адресу: „Volné Kozáctvo“, Hradecká 2207,
 Praha-Vinohrady, Tchecoslovaquie.